

Боярская сотня

Александр Проzorов

Люди меча

«Автор»

Прозоров А. Д.

Люди меча / А. Д. Прозоров — «Автор», — (Боярская сотня)

Они всего лишь хотели сыграть в ролевую игру. Воссоздать великую битву далекого прошлого. Но – что-то случилось. Прошлое само настигло их и стало реальностью. Вихри времени забросили людей нашего столетия в кровавую эпоху царя Ивана Грозного. В страшные годы опричнины и бесконечных войн с Ливонским орденом. Здесь надо уметь сражаться. Здесь надо учиться выживать...

© Прозоров А. Д.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Часть первая	19
Глава 1	19
Глава 2	28
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Прозоров

Люди меча

Пролог

Речушка со вкусным названием Осетр делала здесь широкую петлю, огибая луг и подмывая высокий, поросший соснами берег. Над водой, рядом с небольшим песчаным пляжем, тянулся на несколько метров, чуть не до самой стремнины, трамплин: длинное сосновое бревно, поверх которого накрепко приколочена доска в ладонь толщиной. Вокруг пахло смолой, хвоей, дымом и чуть кисловатым печеным мясом.

Самый аппетитный аромат тянулся от небольшого костерка. Точнее, от россыпи углей, над которыми на сверкающих сталью шампурах запекалось порезанное щедрыми ломтями мясо. В двух шагах от костра лежал широкий ковер, на котором сидела, поджав под себя ноги, молодая женщина, голубоглазая и курносая, в белом шелковом бюстгальтере с тонкими кружевами поверх упругих чашечек и свободных шелковых трусиках. За ее загорелые плечи опускалась длинная русая коса, а в руках женщина держала толстую книгу в кожаном переплете, с тисненым на обложке золотым православным крестом – молитвенник.

– И-и, эх! – жалобно скрипнула доска трамплина, и спустя секунду послышался громкий плеск. Потом новый всплеск, но уже более тихий. – Эх, хорошо!

Из реки на пляж вышел гладко выбритый мужчина лет тридцати в полотняных трусах со свисающими вперед завязками, заменяющими резинку, упал на песок:

– Ух, какой горячий!

Солнечные лучи осветили множество рубцов, испещряющих спину во всех направлениях, короткие темные волосы, сильные руки с тремя оспинами давних прививок у плеча. Мужчина подгрреб песок себе под грудь, поднял голову:

– Искупалась бы, Настя? Жара ведь жуткая!

– Благодарствую, государь мой, – со скромной улыбкой кивнула женщина. – Зной меня, милостью Божьей, не томит. Я посижу.

– Ну, как знаешь... – мужчина поднялся, подошел к костру, повернул шампуры с мясом. – Скоро дойдут.

Внезапно издалека звучно пропела труба. Купальщик выпрямился, задумчиво вглядываясь за взгорок, ограничивающий луг, потом кивнул женщине:

– Накинь что-нибудь, Настя. А я пойду, песок смою.

Он пробежался по трамплину и вниз головой ушел в воду, несколькими мгновениями спустя вынырнув и торопливо выйдя на берег. Женщина, поднявшись, одела через голову сарафан, накинула на волосы платок. Успела как раз вовремя, поскольку стоило ей повязать углы, как послышался гулкий топот, и через взгорок перемахнул всадник – верхом на вороном коне, в алых сафьяновых сапогах и шелковых малиновых шароварах, бордовом полукафтани, отороченном горностаем, из-под которого проглядывала кумачовая рубаха, а голову прикрывала шитая золотой нитью рубиновая тафья. Красных оттенков не имели только черная окладистая борода, опускающаяся на грудь, да карие глаза.

– Вот это да! – изумленно отер подбородок мужчина. – Да никак сам боярский сын Андрей Толбузин к нам в гости пожаловал? Это же какими судьбами? Дело пытаем или от дела лытаем? Да ты слезай боярин, присаживайся к нашему шалашу. Сейчас как раз шашлычки поспеют. Пробовал когда-нибудь шашлыки, боярин?

– Здравствуй, боярин Константин Алексеевич, – спрыгнул на землю гость, – и ты здравствуй, хозяйюшка...

Он отпустил коню подпругу, хлопнул его по крупу, отпуская пастись на луг, а сам спустился к коврику:

– Про что это ты спрашивал, Константин Алексеевич? Слово какое-то странное.

– Ша-а-ашлык, – нараспев повторил мужчина. – Есть такое блюдо на Кавказе. Границы-то русские, помнится, как раз туда должны к нынешнему году подойти?

– Милостью Божией и мудростью государя нашего, – кивнул, принохаясь к мясу, гость, – ханство Астраханское ноне на верность Ивану Васильевичу присягнуло, черемисские князья и черкесские под его руку попросились, сибирский хан Едигер тоже власть московскую над собой признал...

– Но шашлыком угостить никто не позаботился, – кивнул мужчина. – Ничего, мы этот недочет исправим. А пока, как на счет искупнуться? Я тут велел трамплин сколотить. Хоть какое-то развлечение из детства босоногого вспомнить.

Он легко поднялся, пробежался по ведущей от берега доске, подпрыгнул, и вниз головой вонзился в воду. Гость, сбив с головы тубетейку, испуганно перекрестился и укоризненно покачал головой вынырнувшему хозяину:

– И как тебе не страшно, боярин Росин? Истинно соседи твои в ябедах пишут, дескать чернокнижник ты и колдун!

– Колдун, говоришь? – весело рассмеялся Росин, выходя на берег. – Оттого соседи пишут, что смерды их все ко мне на мануфактуры перебежали. Денежку себе зарабатывают, а не боярам ленивым отдают. Вот помещики, заместо того, чтобы труды приложить, клязусы повсюду и отписывают. «Отнять и не пущать!» Так?

– Разное пишут, – уклончиво пожал плечами Толбузин. – Что в церковь не ходишь. Что посты не блюдешь...

– Я Господу не молитвой, а трудами своими служу, – пригладил волосы Росин. – А коли грешу в чем, так жена замолит, – он улыбнулся сидящей на ковре женщине. – Настя моя ни одной заутрени не пропускает. За двоих молится. Зато крест новой колокольни косогорской монахи у меня на мануфактуре отливали, не побрезговали.

– Еще ябедничают, что колдовской силой топоры, бердыши да наконечники к стрелам и рогатинам навораживают повозками целыми...

– От стервецы! – от души расхохотался хозяин, снова поворачивая шампуры. – «Колдовской силой!» А сила эта речным течением называется, между прочим. Я как в поместье приехал, в первую очередь мельницу водяную поставил. Водичка по Осетру течет, да молот пятипудовый поднимает, да роняет. И все, что моим мастерским остается, так это раскаленную добела заготовку в формовочное отверстие сунуть, да дожидаться, пока молот сверху саданет. Бац, и готово! Два смерда за день как раз по паре повозок всякого добра отковать успевают.

– Я вижу, Константин Алексеевич, ты эти три года времени не терял, – покачал головой гость.

– А чего его разбазаривать? – пожал плечами Росин. – Коли государь решил меня богатым приданым одарить, так пользоваться нужно. Если есть возможность не своими руками, а головой поработать, золото подаренное с толком в дело вложить, школьный курс по производственной практике вспомнить... В общем, грешно это: мочь и не делать.

– Да, – признал Толбузин. – Про твои поделки чугунные, Константин Алексеевич, в Москве уже понаслышаны.

– Баловство все это, – неожиданно сморщился Росин. – Глупость и баловство. Чугун не ковать, его лить надо.

– Так... Лей, Константин Алексеевич, – не понял горечи хозяина боярский сын. – Коли надобно, запретов чинить никто не станет.

– Уже чинят, – вздохнул Росин. – Понимаешь, боярин... Что бы лить чугун, как воду, его нужно греть в больших количествах. Иначе остывает металл слишком быстро. Тонн по пять-

шесть хотя бы, – и тут же поправился: – Пудов по пятьсот за раз. И процесс этот непрерывный. Один раз печь остынет, снова ее будет не разогреть. А как я могу рассчитывать на десять лет непрерывного литья, если о прошлом годе татары Тулу опять обложили? Один раз эти засранцы на мануфактуру налетят, и все старания – псу под хвост. Так что, боярин, дело это не от меня зависит, а от оружия русского. Как рубежи наши нечисть всякая грызть перестанет, так и с делом ремесленным все куда ходче пойдет.

– Не грусти, Константин Алексеевич, – улыбнулся Толбузин. – Бог даст, справимся со всей нечистью.

– Я знаю, – кивнул Росин. – Со всеми справимся. Просто не терпится. Однако, как говорится, спешка нужна только... Ага, вот, кажется, и пора...

Он снял с камней один из шампуров, с гордостью протянул его гостю:

– Вот, отведай, боярин, кавказского лакомства... Настенька, это тебе... Ну, и себя, любимого, тоже обижать не след.

На некоторое время возле дотлевающего костра повисла тишина. Люди, удерживая в руках шампуры, обедали с них мясо.

– Да, – признал Толбузин, истребив половину своей порции. – Снедь знатная. Особенно с дороги.

– М-м! – спохватился Росин. – Совсем забыл! Настя, бургунского гостю налей. С красным вином еще лучше пойдет!

Гость с благодарностью принял кубок, осушил. Продолжил трапезу, но уже не так жадно:

– А что ты, Константин Алексеевич, от дворни своей на берегу прячешься? Не боишься, что крамолу какую за тобой заподозрят?

– Наоборот, – покачал головой Росин. – Хочется дом свой прежний вспомнить. Искупаться, позагорать, как у нас принято было... Боюсь, как развлечения мои увидят, так уж точно в колдуны запишут. Ты вон, боярин, сразу креститься начал.

– За тебя испугался, Константин Алексеевич, – облизнулся Андрей Толбузин, примериваясь к очередному куску мяса. – Как руки, больше не болят?

– Спасибо, не жалуюсь, – Росин внезапно утратил аппетит, задумчиво вертя шампур в руке. – Кого же это здоровье мое вдруг заинтересовало? Никак место свободное на дыбе обнаружилось?

– Ну что ты, Константин Алексеевич?! – мотнул головой гость. – И в мыслях ничего близкого нет! Шах-Али с набега на Ливонию с такой богатой добычей вернулся, что все недоимки в цареву казну с лихвой покрыты. За что тебя, боярин, государь наш с благодарностью помянул. Спрашивал, почто не видно тебя давно? Как никак, боярин. Коли поместье тебе дадено, стало быть и службу нести должен.

– А много ли пользы будет от одного меча? – Росин все-таки откусил себе немного мяса. – Я про то тульскому воеводе уже сказывал. Пусть из писцовых книг вычеркнет, а я и тягло государево, и ямское, и пожилое в полной мере платить готов. С меня налог получится изрядный, с пяти-то мануфактур. Полк стрелецкий снарядить можно.

– Преданность и храбрость за деньги купить нельзя, Константин Алексеевич, – покачал головой гость. – Государь от тебя не корысть получить желает, а совет разумный. Поручение хочет дать, кое не всякий и выполнить способен.

– Зловеще, однако, вступление получается, – вздохнул Росин. – Сразу Ильей Муромцем себя чувствовать начинаешь, что с печи, да сразу супротив Соловья-Разбойника кинулся. И на какое Идолище Поганое царь меня послать желает?

Андрей Толбузин замялся, покосился в сторону женщины.

– Да, действительно, – согласился Росин. – Настя, налей нам еще вина. И давайте спокойно шашлыка поедим, без всяких намеков и загадок.

Однако настроение было испорчено безнадежно. Вместо того, чтобы наслаждаться вкусом вина и мяса, Росин пытался угадать, куда это его собираются заслать, и почему ради этого поручения в тульское имение Салтыковых царь отрядил одного из доверенных опричников, боярскому сыну Толбузину явно не терпелось объясниться, а женщина с тревогой смотрела то на одного, то на другого, тоже не ожидая для мужа ничего хорошего от неожиданного царского зова.

Наскоро расправившись с угощением, Росин поднялся, обошел ковер, извлек из чересседельной сумки криво изогнутый медный охотничий рог, облизнул губы, с натугой затрубил. Потом поднял с травы черную монашескую рясу, оделся.

– Никак, по сей день в одежке от Посольского приказа ходишь, Константин Алексеевич? – удивился гость.

– Другую шил, – хмуро ответил Росин, которому напоминание о дыбе и допросе в Посольском приказе настроения отнюдь не улучшили. – Удобная оказалась. Не маркая. Свободная, движения не стесняет. В холод тепло, в жару прохладно. Да и привык я к ней.

– Скромничаешь, Константин Алексеевич, – покачал головой Андрей Толбузин. – По твоему достатку и званию в горлатной шубе ходить должен, а не рясе черноризицкой.

– А мне хвастать не перед кем, боярин. Смерды и так знают, кто здесь хозяин. А среди людей торговых я не шубой, товаром хорошим и дешевым известен.

С нарастающим топотом примчал отряд в полсотни всадников – простоволосых, молодых, с только начинающей пробиваться бородой и усами; в синих и красных ярких рубахах, черных шерстяных шароварах и, опять же, цветастых сапогах. Луг наполнился тревожным ржанием, громкой переключкой.

– Федор, коня, – негромко распорядился Росин. – И приберите тут все, пора в усадьбу возвращаться. Настенька, будь любезна, проследи.

– Спокоен будь, государь мой, – приложила руку к груди женщина и почтительно поклонилась мужу.

Один из всадников, в наброшенном поверх белой шелковой рубахи полукафтанине подъехал ближе, ведя в поводу серого в яблоках скакуна, придержал его, пока хозяин неспешно забрался в седло.

– Федор, жену мою до дома проводи, – наказал Росин, усаживаясь и подбирая поводья. – Тебе поручаю.

Московский гость тем временем поднялся на спину своему коню, подъехал ближе, и они с Росиным бок о бок тронулись по неширокой тропе, уводящей от берега к светлому березняку.

– Ох, Константин Алексеевич, – опять попытался укорить хозяина боярский сын. – Дворня твоя богаче тебя одевается. Не ровен час, перепутают, как со свитой ехать будешь.

– А коли и перепутают, велика ли беда? – усмехнулся Росин, поправляя сбившийся набок капюшон. – Кому я нужен, и так узнают, а кто нарядами любоваться хочет, пусть на дворню смотрят. Я ведь не слон дрессированный, по улицам напоказ ходить. А коли подумают, что нищ, как церковная мышь, так пусть и думают. У меня от этого ни на один завод меньше не станет.

– Слоном подивить ты меня напрасно пытаешься, Константин Алексеевич, – довольно улыбнулся гость. – Видел я сию диковинку намедни. Зверя сего в дар царю о прошлом месяце шах персидский в дар прислал. После принятия Астраханским ханством подданства русского с новым соседом по морю дружбу установить пожелал.

– Ну и как впечатление? – покосился на гостя Росин.

– Чуден зверь, чуден, – кивнул боярин. – Элефантом его митрополит Пимен прозвал. Два хвоста имеет, рога из пасти растут, огромен, как гора и разумен изрядно. Пред государем колени преклонил, кивал в ответ на вопросы вежливые. Однако и есть горазд. По телеге сена в день пожирает, на еще репы с морковью по два пуда.

– В конюшню хоть поместился?

– Нет, – мотнул головой Толбузин и пригладил бороду. – Во дворе с конюхом персидским остался. Правда, государь повелел сарай ему построить со слюдяными окнами, но пока не знает, где? То ли в кремле московском, то ли в слободе Александровской. Но до зимы, мыслю, решит.

– Уж не по этому ли поводу Иван Васильевич посоветоваться со мной желает? – поинтересовался хозяин, оглянувшись назад. Оставшаяся на лугу дворня осталась за взгорком, и теперь говорить можно было спокойно.

– Государь наш, Иван Васильевич... – Толбузин потрепал коня по шее, тщательно подбирая слова. – Государь просил лишь о здоровье твоём узнать. Как чувствуешь себя, Константин Алексеич, готов ли службу боярскую, как мужу русскому положено, далее нести?

– По здоровью, коли честно говорить, службу я нести могу, – вздохнул Росин, вспомнивший что в нынешнем, шестнадцатом веке служилый человек обязан было отрабатывать свое звание и дарованную на прокорм землю с пятнадцати лет и до тех пор, пока рука могла сжимать оружие. – Но вот надо ли? Я ведь больше пользы принесу, коли тягло честно платить стану, да снаряжение новое для того же войска изготавливать.

– Странен ты, боярин Константин Алексеич, – вздохнул опричник. – Не по обычаям живешь, и мыслишь странно. Где это видано, чтобы муж сильный, здоровый, да родовитый от права клинком острым землю свою защищать золотом откупался? Не по-русски это, Константин Алексеич. Срамно. И кабы нехристь какой слова сии произнес, али немец заезжий, еще понятно. Но ты, боярин?! Ты, на дыбу пошедший, дабы крамолу супротив государя раскрыть?

– Никак деньги казне более не нужны стали? – Росин пригнулся, пропуская над головой встречную березовую ветку. – Хорошие, стало быть, времена на Руси наступают...

– Нужны деньги государю, завсегда нужны, – Андрей Толбузин ухватил повод росинского скакуна, потянул, останавливая его, потом привстал на стременах, оглядывая окружающий березняк. Деревья здесь стояли редко, и роща просматривалась далеко в стороны, а широкие листья ломкого папоротника, поднявшегося на светлых полянах, не колыхало ни ветром, ни ползущими по земле соглядатаями. Да и кому могло придти в голову ждать, затаившись у лесной тропы, ценного для чужих ушей разговора? А пешком за конными боярами особо не угонишься – особенно тайком.

– Нужно золото государю, Константин Алексеич, – продолжил гость. – Зараз полсотни городов строить затеял. А крепостей, так и вовсе сотнями считать впору. Шах-Али, по твоему совету в Ливонию посланный, с богатой добычей вернулся...

– Про то ты уже сказывал, – напомнил Росин, тоже оглядевший принадлежащий ему березняк.

«Осушить бы его, – мелькнула в голове хозяйская мысль. – Дренажные канавы к реке прорыть, а года через два редколесье на уголь вырубить. Хорошее поле будет. Плюс место на берегу Осетра, для новой фабрики удобное».

– Много добычи привез Шах-Али, – словно не услышав собеседника, повторил опричник. – Вполне оправдала она недоимки за последние пятьдесят лет, да с такой лихвой, что еще лет на сто останется. Иван Васильевич доволен, прегрешения прежние Ливонии забыл, потому как главенство его она опять признала, платить впредь обязалась исправно и в хлопоты Русь более не вводить.

На этот раз Росин промолчал, ожидая продолжения.

– Однако челом ему купцы псковские бьют, коим надоело пристани на реке Нарове с ливонскими торговыми людишками делить. На притеснения в городах ганзейских жалуются, и на разбойных людишек, что на Варяжском море промышляют. Так же митрополит московский что ни день, государю укоряет, что храмы православные в ливонской вотчине лютеранцы

неведомые наравне с костелами ихними жгут, и паству православную обижают. Мало царю, так еще и духовнику его, монаху Сильвестру на то же указывает и чином духовным попрекает.

– А про необходимость выхода к Балтийскому морю ему никто ничего не говорит? – поинтересовался Росин, и с удовольствием склонил голову, глядя в изумленно открытые глаза боярского сына и близкого к царю опричника Андрея Толбузина, никогда не учившегося в советской школе.

За годы пребывания в шестнадцатом веке Костя Росин, бывший руководитель военно-исторического клуба «Черный Шатун», уже успел усвоить, что те дороги, что проходят по земле – это дороги для всадников, да отдельных повозок смердов али коробейников. Дороги для товара – это реки, озера и моря, на которых неспешно покачиваются ладьи, везущие в своих трюмах не пуды, а десятки и сотни пудов груза. Именно поэтому, чтобы доставить груз из Риги в Москву его требовалось для начала погрузить на кораблик и морем доставить в Новгород. А если требовалось отвезти его в Вологду – то путь лежал вокруг всего скандинавского полуострова. Закон этот не менялся от того, чьи гарнизоны стояли на Даугаве: русские, шведские или китайские. Чтобы Рига стала русским портом на Балтике, в первую очередь требовалось подвести к ней железную дорогу.

Однако до появления первых железных дорог оставалось еще три столетия, а потому во всей Руси прибалтийские земли интересовали только псковичей, желавших убрать чужих перекупщиков с ведущей от их города Наровы, и больше никого. А потому Росин мог прямо сейчас предсказать, что ответил купеческим лоббистам царь.

– Государь милостив, – вздохнул боярский сын. – Государь не желает попрекать иноверцев их заблуждением, и карать их за неверие. Он сражается с ними глаголом, вступая в прилюдные диспуты с приезжими проповедниками, он разит их своим разумом и знанием. Но обнажать саблю ради истинной веры не желает.

– Что же, – с улыбкой перекрестился Росин. – Наш царь мудр не по годам. Что же плохого в этом?

– Ливония, ако плод перезрелый на яблоне, рядом с границами нашими гнить начинает, – опричник хлопнул ладонью по крупу коня, и тут же натянул поводья, не давая ему сорваться с места. – Руку достаточно протянуть, чтобы взять ее назад в свою волю, чтобы не дань с нее собирать, а править по разумению своему, как прочими землями. Схизматиков, наконец, с земель предков наших изгнать, слово христово на нее принести.

Росин снова промолчал. Подобная история повторялась за время истории государства российского не раз и не два – когда, прикрываясь громкими словами о высших целях, страну втравливали в кровавые авантюры ради чьих-то мелких шкурных интересов. Конечно, Прибалтика, как всегда, окромя надувания щек никакого сопротивления России оказать не способна, но... Несколько излишне храбрых придурков обязательно найдется, без сражений не обойтись – а стоит ли рисковать жизнью даже одного-единственного русского воина, если для страны из этого никакой пользы не видно? Выход к Балтийскому морю и возвращение Ливонии в лоно прародины – это лапша на уши будущим историкам. А на самом деле митрополиту хочется подмять под себя прибалтийские епархии, и уже самому решать – а разрешать ли там возведение костелов и молельных домов, и сколько брать золота за такое разрешение? Псковским купцам – единолично возить товары по Нарове и Чудскому озеру к своему городу по Балтике. Боярам же хочется прибрать новые, густонаселенные поместья, принадлежащие ныне римскому престолу и Ливонскому Ордену, добыть лишней славы и наград в схватках с не очень опасным врагом.

– Но государь силы Руси тратить на освоение Ливонии не желает, – словно отвечая мыслям Росина, продолжил Толбузин.

– Коли дань платить обещаются исправно, и главенство Москвы над собой лифляндцы признают, так чего копыя ломать? – пожал плечами хозяин. – О чем спорить?

– Изгнать давно пора схизматиков немецких с земель наших исконных! – заиграл желваками боярский сын. – Рыцарей поганых, что столько раз горя на наши земли приносили, лжесвященников, что имя Господа нечестивыми молитвами поганят!

Звучало это, конечно, красиво. Вот только смысл слов оставался все тем же: освободить земли епископств и орденские владения от прежних хозяев, чтобы можно было отписать их владельцам новым. И хотя присоединение к Руси новых земель – дело всегда похвальное, однако в данном случае возможный прирост явно не соответствовал затратам. Платить-то придется кровью... Ливония – это не Казанское или Астраханское ханство, что только набегам и жили, на чужих слезах силу свою возвращая. Вот их прижать к ногтю следовало в первую голову. Что, впрочем, царь уже сделал. А Прибалтика...

– Государь сил на схизматиков тратить не желает, – покачал головой Росин, – стало быть, и гадать тут не о чем.

– Иван Васильевич сам туда глядеть не желает и ратей никаких не даст, – поправил его Толбузин, – однако и препятствий, коли кто пожелает самолично во благо Руси пот свой пролить, обещал не чинить.

– Что?! – бывший руководитель «Черного шатуна» громко расхохотался, отчего его скакун испуганно всхрапнул и переступил немного в сторону, повернув своего всадника на пол-оборота к гостю.

«Ай да царь, ай да Ванька Грозный, – мысленно восхитился Росин. – Мне такого и в голову не пришло! Значит, России за Ливонию воевать смысла нет, а коли у кого шкурные интересы имеются – разбирайтесь сами, разрешаю. В итоге и казна от военных расходов уберется, и границы у Северной Пустоши раздвинутся. Молодец!»

– Что с тобой, Константин Алексеевич? – забеспокоился неожиданной реакции Толбузин.

– Мудрый у нас царь, – отсмеявшись, ответил Росин. – Дай Бог ему долгой жизни.

– Дай Бог здоровья государю, – перекрестился в ответ гость. – И долгих лет.

Между тем Росин, которому женитьба принесла богатые поместья, а труд и принесенные из двадцатого века знания – хороший капитал и несколько прибыльных мануфактур, привычно попытался прикинуть, что сможет он получить, если ввяжется в эту авантюру? Никаких месторождений, на которые можно наложить лапу, или производств, работающих к нынешнему веку, он вспомнить не мог. Торговые рынки? Так торговать с Ливонией он мог хоть сейчас, покорять ее для этого ни к чему. Конкурентов убрать? Так он пока в Туле живет, ему Ганзейский союз не помеха. Получалось, нет ему от покорения Прибалтики никакой пользы. Пусть живет, не жалко.

– Посему, Константин Алексеевич, – продолжил гость, – ищем мы охотников долг свой перед отчизной исполнить, и в деле возвращения земель древних помочь.

– А кто это «мы»? – поинтересовался Росин, но ответить ему гость не успел: между светлыми стволами замелькали всадники. Оставленная на берегу охранять боярыню дворня стремительно нагоняла своего господина.

Собеседники пришпорили коней, и помчались вперед, к обширной боярской усадьбе.

* * *

Доставшийся ему дом с высоким теремом и обширным двором Костя Росин перестраивать не стал, хотя у углов приказал насыпать высокие бастионы, на которые поставил откованные на собственной кузне крупнокалиберные пищали. В конце концов, земли за Засечной чертой – это не те места, где стоит опасаться появления вражеских полчищ. А коли и случится какая напасть, так перекрестный огонь из двух десятков стволов отобьют охоту лезть к хозяйскому добру куда надежнее, нежели частокол, или даже земляной вал. К тому же, он быстро

спровадил на заслуженный отдых, или сторожить другие салтыковские дома – в Москве, Твери, Праге и Суздале опытных ветеранов, служивших не первый десяток лет, быстро сманив на их место, в холопы, молодых пацанов.

Безусые пареньки луками, да саблями острыми, как отцы их, может и не владели, зато и пороха не боялись. За пару месяцев он легко научил их и как пицаль к выстрелу снарядить, и из пушки выпалить. А что касемо ухода за конями или баловством с кастетом – то тут они и сами могли хозяину уроки давать.

В остальном усадьба выглядела как обычное помещичье жильё: конюшня да две сотни лошадей, несколько амбаров, огромный сарай для сена, загончик для скота, угловая домашняя часовня. Под навесом, неподалеку от крыльца, дымила летняя кухня: сложенная из красного кирпича небольшая печь с трубой в рост человека и чугунным листом, накрывающим топку.

Навстречу въезжающему в ворота барину ринулось сразу несколько мужиков, одетых попроще, нежели холопы в росинской свите: полотняные косоворотки и штаны, многие босиком. То ли ярыги, то ли просто конюхи и скотники.

Опричник и хозяин дома спешили, после чего Росин подошел к кобыле жены и сам снял свою супругу, ненадолго удержав ее на руках.

– Вижу, плечи твои силу свою вернули, – крикнул боярин Толбузин от зрелища непривычной ласковости к мужа к своей бабе. Хотя, конечно: дом Константина Алексеевича, жена тоже его. Что хочет, то с ней и делает, крамолы в этом никакой нет.

– Как откушать изволите, государь мой? – покосившись на гостя, спросила женщина. – Как обычно, али по заведенному обычаю?

– По обычаю, – кивнул Росин, задумчиво дернул себя за ухо, и решил: – Вот что, Настя... Прикажи нам с гостем столик на двоих в тереме накрыть. Поговорить нам вдвоем надобно, в трапезной неудобно будет. Вина прикажи подать немецкого, кислого. А то мне уже опять жарко.

Терем для беседы с гостем был выбран Костей отнюдь не случайно. Помещение над воротами, призванное в случае осады защищать самое уязвимое место крепости, имело прочные, толстые стены. Вдобавок, справа и слева имелись открытые со стороны двора площадки для стрелков и пушек, а у самих ворот стояло два оружных холопа – на всякий случай. Таким образом, незаметно подкрасться к терему было практически невозможно, услышать что-либо сквозь стены – тоже. Пробраться в терем заранее и спрятаться там не представлялось возможным: у пищалей и небольшого порохового припаса, заготовленного на случай неожиданного наскока лихих людей, постоянно дежурил один из холопов, уходящий с поста только при появлении барина. Потому-то именно здесь Росин предпочитал беседовать о делах с солидными купцами, а иногда, по старой питерской привычке, уединялся сам, с бутылочкой «белой» собственного перегона и очистки. Показываться пьяным на глаза жене и слугам он очень не любил.

– Что значит, «как обычно или по обычаю», Константин Алексеевич? – полюбопытствовал опричник.

– Ничего особенного, боярин Андрей, – пожал плечами Росин. – Просто я имею странную привычку сперва есть суп, потом второе, а уж потом пироги с сытом, а не наоборот. Многие гости от этого непорядка сильно смущаются. Ну, да нам за разговором все одно лучше с расстегаев начинать.

Покинув шумный двор, в котором десятки людей расседывали скакунов, громко обсуждали планы на вечер или на день, или попрекали за плохой уход за лошадьми, бояре по широкой витой лестнице поднялись на второй этаж, шагнули в прохладу обширной комнаты с бревенчатыми стенами. Хозяин кивком отпустил холопа, сидящего на одном из тюфяков с бердышом между коленей, потом жестом пригласил Толбузина к двум низким креслам, стоящим возле столика с наборной столешницей. Однако гостя куда больше заинтересовали короткоствольные пушки, через узкие оконца выставившие свои жерла в сторону дороги.

– Никак железные тюфяки, Константин Алексеевич?

– Они самые, – довольно ухмыльнулся Росин.

– Кто же сделал тебе диковинку такую, боярин? – опричник сунул руку в ствол, прикинул пальцами толщину стенок, выпрямился, вытерев пальцы о штаны. – Не разорвет?

– Нет, не разорвет, – покачал головой хозяин. – Мы из не из полос сваривали, а длинный железный лист на оправку намотали, постоянно проковывая. Потом торец так же обковали, да еще обварили сверху. Думаю, заряд втрое больше обычной пищали выдержит.

– И не боишься мне тайну сию открывать, Константин Алексеевич? – поднял на него глаза опричник.

– Нет, не боюсь, боярин. Больно мороки много. Сперва слиток в ровный длинный лист расковать, потом намотать его, горячий, проковывая. Тут и молотом обычным не обойтись, мы его речным, трехпудовым били. И времени, и железа хорошего много потребно. Проще три бронзовых ствола отлить, нежели один такой смастерить. И дешевле получится, дальность стрельбы почти та же. Я четыре штуки на пробу смастерил, да и бросил. Да и какой прок тебе от этой тайны, боярин? Твое дело советы толковые царю подавать, да саблей в поле махать. Ремесло железное тебе ни к чему. Ты садись, отдохни с дороги.

Боярский сын подошел к столу, недоверчиво посмотрел на низкие – едва не вдвое ниже обычных лавок – кресла, в тому же с непривычно длинным сидением, однако сел, положил руки на подлокотники, откинулся на спину. Усмехнулся:

– Зело странен ты, Константин Алексеевич. По виду смотришь: в рясе ходит, шуб и перстней, шапок богатых не носит, на охоту не выезжает, от девок ладных нос воротит, саней себе не закладывает. Прямо аскет библейский, столпник али отшельник пустынный. А как в гости заглянешь... И мясо у тебя хитрым образом изжарено, и забавы ты устраиваешь речные да водные, и кресла у тебя срамные, не то сидишь, не то в постель укладываешься.

– Вот как? – поднял брови Росин. – Внимательно, видать, за жизнью моей вы приглядываете.

– А как не приглядывать, коли явился иноземец незнамо откуда, крамолу супротив государя сразу раскрыл, прибытки казне, едва не на треть доход увеличившие, указал, да еще и награды никакой за совет да муки не спросил? Странен ты, Константин Алексеевич. Таких людишек забыть трудно, да без пригляда оставлять грешно.

– И что докладывают про меня соглядатаи? – заинтересовался хозяин.

– Перво-наперво, что никаких сношений с иноземцами ты не имеешь, особливо с литовскими и польскими смутьянами. И что даже купцы тамошние к тебе за товаром не наезжают. Что на мануфактурах своих ты оружие доброе куешь, и вполнены его Посольскому приказу и купцам русским продаешь, а торговым гостям датским и шведским в сем отказываешь, однако прочий скобяной товар даешь невозбранно. Что две школы при приходах церковных Тульском и Лаптевском открыл, и деньги на их содержание даешь исправно. Что даров никаких монастырям и церквям не даешь, однако колокола и кресты льешь им за полцены, и бумагу для типографий епископских продаешь задешево, а для московских – по цене аглицкой. Что в церковь ходишь только по праздникам, перед едой не молишься и постов не блюдешь, ни за столом, ни в постели...

– Ни хрена себе! – подпрыгнул на своем месте Росин. – Вы что, и в постель заглядывали?

– Государь над известием сим долго смеялся, – пригладил бороду опричник, – после чего сказывал, что блуд с женой таинством церковным освящен, а посему есть лишь непомерное усердие в супружеском долге. А весть про школы церковные его изрядно озаботила, после чего государь думскому боярину, князю Бельскому, Григорий Лукьяновичу, приказал школы сии за счет казны повсеместно открывать, ибо народ ему сладостно видеть просвещенным, а людям вольным и разумным для пользы государства путь к должностям воинским и подьяческим открыт быть должен.

– Исповедник! – сообразил Росин. – Наверняка он настучал. Ну, попы! Во все века они одинаковы...

В этот момент появились трое мальчишек лет по двенадцать с подносами, споро выставили на стол блюда с грушами и яблоками, резную доску с пряженцами, серебряные кубки и две пузатые бутылки из прозрачного стекла, за которым розовело полупрозрачное вино. Гость моментально забыл о разговоре, любясь редкостным сосудом:

– Немецкое?

– Стекло? – уточнил Росин. – Стекло мое. А вино – рейнское.

Он выдернул притертую пробку, наполнил кубки, приглашающе приподнял свой:

– За встречу?

Они выпили, после чего боярский сын потянулся к пирогам, а хозяин закусил краснобоким яблоком:

– Так что, боярин Андрей, много охотников нашлось Ливонские земли воевать?

– Да нашелся кое-то, – кивнул гость. – Шуйский Петр Иванович пожелал волостников своих привести, и охотников из вольных смердов; дьяк Адашев Алексей с земель своих боярских детей привести пожелал; Зализа Семен Прокофьевич среди бояр Северной Пустоши кое-кого привести обещал; со Пскова отписали, что и среди них охотники схизматиков покарать найдутся; духовник царский Сильвестр самолично приехать и благословить на дело праведное также обещался.

– Ага, – кивнул Росин, наливая еще по одному кубку. Уже сейчас, услышав названные гостем фамилии, он мог составить примерный расклад того, как окажется поделена Прибалтика после ее покорения, кто и что получит в результате предстоящей войны.

С Зализой все ясно – опричник и порубежник северных земель, честно выслуживший себе там неплохое поместье рассчитывает по-соседски прирезать себе еще кое-что за счет Дерптского епископства, благо новые поместья окажутся недалеко, а коли не получится – так хоть добычу кое-какую домой привезет, и за рубежи ливонские беспокоиться перестанет. Немцам после начала настоящей войны станет не до разбойничьих наскоков.

Дьяк Адашев, чье имя даже в двадцатом веке будет известно любому школьнику, явно рассчитывает наложить лапу на большинство орденских и епископских земель. Потому как к царю близок, и коли самолично целовальные грамоты на верность Ивану Васильевичу привезет, тут же и добытое на саблю выпросить сможет.

Сильвестру, по той же причине, наверняка уже снится сан епископа всей Лифляндии.

Псковичи, естественно, пеклись о коммерческом интересе.

Петр Иванович Шуйский принадлежал к нелюбимому царем боярскому роду и собирался воспользоваться шансом, чтобы проявить себя перед государем и выслужиться из немилости.

Оставалось непонятным только то, почему московский боярин приехал с этой историей именно к нему.

– Мы так думаем, – отпил кислого, хорошо утоляющего жажду вина Андрей Толбузин, – никак не менее трех тысяч ратников соберем.

– Хорошая цифра, – согласился Росин. – Три года назад мы ливонцев семью сотнями кованой рати встретили, и вырезали, почитай, до последнего.

– То не Ливония на вас шла, – покачал головой опричник, – а дерптский епископ и сын Готарда Кетлера сотоварищи. И шли не воевать, а в набег короткий. Что встретили и положили их на лужском льду, за то честь вам, хвала и слава. А вот для серьезной войны семи сотен бояр мало.

Он с достоинством осушил кубок до дна, неторопливо съел пряженец с грибами и капустой, после чего продолжил:

– Как знакомцы и купцы сказывают, Рижское, Курляндское, Эзельское и Дерптское епископства все вместе способны выставить до четырех тысяч воинов. А коли стены всех замков

и заставы оголят – то все шесть. Орден Ливонский, хоть и слаб стал, но шесть-семь тысяч тоже выставить сможет. А коли всех способных меч поднять соберет – то и десять. То есть, против нас в Ливонии до тринадцати тысяч ратников окажется самое большее, а в реальности, на поле против наших трех тысяч до девяти тысяч ливонцев может выйти.

– Понятно, – согласно кивнул Росин, мысленно похвалив себя за правильность расчетов. Девять тысяч врагов – это конечно, не пятьдесят, восемьдесят, а то и сто двадцать тысяч всадников, каковые силы обычно выставляли уже покоренные или не совсем ханства, но и за их уничтожение тоже кровушку придется проливать, чего царь делать без крайней нужды не хотел.

– Девять против к трем, – вздохнул опричник, – оно, конечно, одолеть можно. Но тяжело это больно, Константин Алексеевич. Да к тому же...

– Да к тому же можно и не одолеть, – закончил за него хозяин. – Это понятно. Немцы да жмудины, это не татары, их не то что один к трем, один к одному не всегда одолеть можно.

– Ну, один на один мы их завсегда разгоним, – обиделся гость. – Но вот когда их больше втрое получается, Константин Алексеевич, думать что-то потребно. Хорошо подумать.

Росин пожал плечами, пытаясь придумать хоть какой-нибудь совет. Получалось, что затеявшим маленькую войну следовало либо просить помощи у царя, либо попытаться растрясти мощну митрополита и псковских купцов, желающих прибыток свой от этой войны получить, да попытаться нанять еще охотников обогатиться на кровавой работе. Казаков, например, донских. Они как раз только разбоем и живут. Помнится, по законам Донского войска аж смертная казнь за мирное хлебопашество полагалась. Хотя, все это бояре и сами наверняка знают. А ничего оригинального в голову не шло, и потому хозяин просто еще раз наполнил кубки, убрав опустевшую бутылку под стол.

– Не желаешь ли ты сам, Константин Алексеевич, – поинтересовался боярин Толбузин, принимая серебряный бокал, – не желаешь ли ты участия в деле нашем принять?

– Мне-то какая корысть? – невольно вырвалось у Росина от неожиданного предложения.

– Нет тебе в этом деле корысти, Константин Алексеевич, – согласился опричник, откидываясь на спинку креста и грея кубок в больших ладонях. – Но разве мы корысти одной живем? Земли наши исконные под пятой немецкой томятся, схизматики проклятые имя Господа нашего на ней поносят. Так неужели ты, боярин русский, сил не захочешь приложить, чтобы в лоно исконное ее вернуть? Не корысти ради, а ради нашей Руси святой?

Вот и прозвучали те самые слова, которые должны прикрывать, как дымовая завеса, шкурные интересы кучки бояр. Однако не презрение они вызвали в душе Кости Росина, а словно тронули туго натянутую струну, звучание которой и отличало всегда истинно русского человека от Иванов, родства не помнящих. Конечно, корысть толкала Адашевых, Шуйских и Толбузиных на присоединение Лифляндии к остальной Руси, но разве не она же погнала в Сибирь казаков Ермака и купцов Строгановых? Однако, взяв свое, земли эти они навеки к государству российскому прибили. Разве не корысть заставила Гришку Потемкина Крым под руку русскую взять и твердо в нем укрепиться? Однако по сей день поставленные им Севастополь, Николаев и Херсон символом русской славы остаются, и флот Черноморский по сей день южные моря бороздит. И не смог Росин рассмеяться в глаза царскому опричнику, а только зубами скрипнул:

– Толку с меня? Три тысячи, плюс один. Хотя, с холопами, может и полсотни приведу.

– Не в полсотне твой дело, Константин Алексеевич, – качнувшись вперед, перегнулся через стол Андрей Толбузин и понизил голос. – А сказывал Семен Прокофьевич, что во время набега на епископство Дерптское вы там сотоварищей своих повстречали, кои один из замков ордынских захватили и успешно его в руках держат, не смотря на вражду соседскую.

– Есть такое дело...

Костя с удовольствием вспомнил улыбчивого Витю Кузнецова. На играх и фестивалях он особо не выделялся, но здесь, когда весь фестиваль на Неве полным составом гикнулся в шест-

надцатый век, ситуация изменилась. Поначалу клуб «Ливонский крест» прибил к «Шатунам», но после захвата Кронштадта они решили идти в Ливонию, к тем, кого считали своими. Увы, понимания у крестоносцев они не встретили. Больше того – их едва не продали в рабство, но тут душа бывшего старшины взыграла, он схватился за меч и... И вот уже третий год ребята успешно держат в своих руках Сапиместскую фогтию, и не просто держат, а ухитряются постоянно устраивать свары с соседями, то стряся с них откуп, то оттяпывая кусочки чужих земель. Прежний их Великий Магистр, так преклонявшийся перед рыцарями, куда-то свалил, решив мужественно сдаться «цивилизованным» немцам, зато Витя оказался здесь куда как на своем месте, постоянно готовый влезть в драку по поводу и без того, задирающий всех известных ему дворян и мечтающий добиться для себя настоящей королевской короны, пока Европа пребывает в дикости и раздразе. В общем, настоящий рыцарь, печать ставить некуда. Что касается прочих «крестоносцев» – то после первых успехов Кузнецова они доверились ему безоговорочно, и пока еще новый предводитель своих ребят не подводил.

– А еще сказывал Семен Прокофьевич, – гость перешел на шепот, – что к Руси у них отношение зело дружелюбное, помощь они вам в беде оказали с охотою и даже государю нашему на верность желали присягнуть...

– Да наши ребята, наши, – кивнул Росин. – Не предадут.

Боярский сын Толбузин неожиданно откинулся назад в кресло и принялся медленно посасывать вино, словно забыл обо всем на свете, кроме этого напитка. В тереме повисла тишина – стали слышны даже далекое мычание с невидимых за холмами коров и деловитое кудахтанье куриц в птичнике. Спустя несколько минут уже Костя, мучимый любопытством, не выдержал и поинтересовался:

– Так и чем знакомые мои из Сапиместки отличились?

– Уверен ли ты в сих сотоварищах, Константин Алексеевич? – повернул голову к хозяину опричник.

– Уверен ли? – Росин задумчиво потер затылок. Что еще он мог знать про Витю Кузнецова, с которым пару раз пришлось порубиться на топорах в далеком двадцатом веке, да выпить пива у одного костра на общих игрищах? Только то, что он такой же как все: питерский, русский. Любит выпить и не прочь побуянить без особого ущерба для окружающих. Для того ведь они и собираются на свои фестивали, чтобы удаль на поединках выплеснуть, а не перево-рачивание чужих машин на городских улицах. Ну да, золото он растряс с соседних фогтий и комтурий без зазрения совести – а кто от денег откажется, коли сами в руки просятся? Новым магистром в своем клубе стал. Вот, пожалуй, и все. Обычный молодой парень, такой же как все. Хотя... Хотя, может, это и есть самое главное? Обычный парень, такой же как все. То есть, может и есть какая дурь в голове, но русский он, русский. А значит – Родину свою никому не продаст. И Костя решительно тряхнул головой: – Уверен!

– Точно ли ты уверен, Константин Алексеевич? Потому, как дело, которое хотим предложить твоему товарищу зело опасно, и важно необычайно для общего нашего предприятия.

– Важно необычайно? – удивился Росин. – Чем же таким помочь он может, боярин? Ты уж скажи, не томи. А я, глядишь, и отвечу сразу. Потому, как с ребятами этими знаком, привычки их мне известны.

– Мысль у нас таковая появилась, – облизнул пересохшие губы гость. – Как мы с боярами мыслили, сил Ливония супротив наших втрое больше выставить может. Немногим менее половины из них – силы епископские, из четырех частей сборные. Другая половина – войско орденское. Из епископств Лифляндских после Дерптского самым сильным и богатым Эзельское будет. Да еще оно и островное вдобавок, вести оттуда медленнее доходят, помощь прислать труднее. И вот кабы Ливонский орден вдруг на остров сей напал и войну начал, сильно сие нам бы на руку получилось. Во смуте внутренней, ни Орден, ни Эзельский епископ помощи Дерпту не пришлют. Да и Рижские с Курляндским епископства границы свои оголять поостерегутся.

Тогда ратям нашим не девять тысяч, а менее тысячи воинов противостоять будут. Силы свои мы без опасения надвое разделим, одновременно Дерпт осадив, и мимо Нарвы вдоль берега отряды вглубь земель вражеских послаем. А пока не опомнились немцы, сотоварища твои от Эзеля навстречу нам ударят, и Лифляндию мы сразу надвое разрежем, половину под свою руку приняв. Поежели с Эзелем други твои не справятся, то и все одно на равных мы с оставшимися ворогами окажемся. А коли справятся – так и вовсе противиться нам некому окажется.

Андрей Толбузин облегченно вздохнул – словно скинул, наконец, тяжкую ношу, потянулся к кубку, заглянул внутрь. Росин торопливо налил ему вина, потом плеснул немного себе. Кивнул:

– Толково. План, сразу признаю, красивый и изящный. Вот только... Как заставить Орден напасть на своего вековечного союзника?

– Коли друзья твои на землях Ливонского Ордена живут, замком орденским владеют, плащи и вымпелы орденские носят, так и кто же они, если не часть Ордена? – это вопрос Андрей Толбузин с друзьями явно обсуждали уже не раз и в подробностях. – И коли нападут они под своими знаменами, то именно Орден, стало быть, войну с Эзельским епископством и открыл.

– А сказывал ли Семен Прокофьевич, что людей в замке этом всего два десятка человек, плюс десяток дворни, да пара женщин? Я имею в виду, знакомых мне женщин, что при нужде за меч взятыся не побоятся? А с двумя десятками людей против целого епископства войну начинать... – Росин покачал головой: – Друзья мои боя открытого не боятся, сам бок о бок с ними сражался. Но двадцать против целой страны, пусть даже такой крохотной...

– Главное, чтобы отвага у них оставалась прежняя, а в мечях воинских недостатка не станет. – Опричник, явно выдерживая паузу, отпил еще вина, потом взял расстегай с вязигой, неспешно прожевал. – Коли решатся они на сей подвиг, то из казны, митрополитом и купцами на войну собранных, готовы мы золота четыре тысячи талеров им передать для набора в немецких городах наемников для ведения войны. Поскольку сотоварища твои по вымпелу и землям своим есть крестonosцы ливонские, труда особого это для них не составит.

– А-а-а... – не меньше минуты сидел Росин с открытым ртом, переваривая услышанное, а потом внезапно вскочил, звонко ударив себя кулаком в ладонь и забегал между пушками, описывая замысловатые траектории: – Да, да, да!

Как ему самому это в голову не пришло? Зачем русскую кровь проливать или казаков с Дона звать, если можно немцев на месте нанять, чтобы они сами себя завоевали? У них это ведь в порядке вещей: кто золото платит, тот и «родина». А все, кто за пределами своего города живет – иноземцы. Рижские ландскнехты против Эзеля воевать пойдут, и глазом не моргнут.

– Черт! – повернулся он к гостю. – Гениально. Кому это только в голову пришло?

– Даниле Адашеву, – признал Толбузин. – Брату Алексея. Он в ратном деле хитер, всегда нежданное что придумает. Так что, Константин Алексеевич, возьмешься с сотоварищами своими поговорить?

Росин остановился, подошел к пушкам, выглянул в узкую вертикальную бойницу. Конечно, привык он уже здесь за три года-то. К жизни спокойной размеренной, к ежедневным выходам в цеха своих мануфактур, где простенькие, даже наивные на взгляд человека двадцатого века механизмы все равно то и дело подбрасывали неожиданные головоломки. Привык подолгу торговаться к купцами, после чего гордо засыпать в сундуки честно заработанное серебро. Привык проводить вечера с покорной женой, которую заставлял носить в спальне и двух светелках рядом с ней коротенькое кружавчатое шелковое белье. После глухих платяев, платков, убрусов и подубрусников, в которых ходили днем все приличные женщины и длиннющих бесформенных сарафанов простых девок – белье выглядело особенно возбуждающим. Привык к тому, что все, на кого падал его взгляд немедленно кланялись, и даже богатые купцы проявляли всемерное уважение. Однако, он прекрасно понимал две вещи: ни с кем другим,

кроме него, Витька разговаривать не станет. Росин всегда был мастером, и ребята всех клубов на фестивалях запоминали именно его. А кроме того, четыре тысячи талеров – это огромная сумма, которую просто так никому не доверят. Ему, богатому боярину, унаследовавшему имущество царского любимца Салтыкова и немало приумножившему оное, доверят. Он воровать не будет – смысла нет. Ради мешочка золотых позориться не станет. Как там Толбузин говорил? «Нет тебе в этом деле корысти. Но ты – русский боярин».

– Отчего не взяться, – Костя небрежно пожал плечами. – Возьмусь.

Часть первая Люди меча

Глава 1 Август

Август тысяча пятьсот пятьдесят пятого года выдался жарким. Испугавшись раскаленного солнца, облака сбежали куда-то на далекий север, и на всем небосклоне не имелось ни единого пятнышка, которое посмело бы испачкать идеальную голубизну. Даже птицы, боясь испепелиться на лету, днем прятались куда-то в кроны, не желая рисковать жизнью ряди нескольких мошек, и вместе с ними до вечерней прохлады отсиживался ветер, а потому нигде не шевелилось ни листика, ни веточки и в воздухе над бескрайней водной гладью висела абсолютная тишина. Казалось, в этом малом уголке планеты создалась особенная, своя собственная прозрачно-голубая вселенная. Голубизна сверху, голубизна снизу, и два солнца напротив друг друга – как вдруг раздался звонкий девичий смех, легкий плеск и, разрушая совершенную картину, во все стороны побежали волны.

– Боже мой, как хорошо! – девушка тряхнула головой, позволяя волосам растечься в разные стороны, после чего повернулась на спину и тихонько поплыла от берега. – Поверить трудно, что хоть где-то может быть не жарко... Жаль, что в твоём замке нельзя поставить кондиционера.

– Что такое «кондиционер»? – поинтересовался с берега худощавый, гладко выбритый скуластый мужчина в белой батистовой сорочке с широким отложным воротником, пурпурных бархатных кальсонах, едва доходящих до колен и высоких сапогах из тонкой кожи.

– Это такая машинка, которая превращает тепло в холод, – девушка остановилась, подняв голову над водой. – Ну же, иди сюда, ко мне! Остынешь хоть немного.

– Не хочу, – мотнул головой мужчина. – Прикажу в замке кадушку наполнить.

– Да ты что?! – фыркнула купальщица. – Тоже мне, сравнил: кадушку и Чудское озеро! Ты бы еще в луже искупался! Говорю, иди сюда.

– Не хочу!

– Ах так... – она подняла из воды руку, набрала побольше воздуха, а потом повернула сверкнувший на пальце перстень камнем внутрь. При этом она погрузилась в воду с головой, однако руки, совершавшие непонятное действие, оставались на виду. Потом девушка вынырнула и вытянула сжатую в кулак руку в направлении берега.

– Инга! Не смей! – попятился мужчина. – Не нужно! Я не хочу!

Однако трава уже зашуршала, выпуская из себя крохотных, не больше кулака, мохнатых существ, вооруженных острыми палочками. Мужчина повернулся к ним, но тут вода расступилась, выпуская обнаженных бледнокожих девушек с блеклыми глазами и длинными зелеными волосами. Не меньше десятка рук схватили свою жертву и увлекли ее в воду. Мужчина, испуганно барахтаясь завопил:

– Инга, перестань! Ты испортишь мне тело!

Девушки тихонько захихикали, подталкивая его от одной к другой, но тут Инга опустила руку в воду, и русалки тотчас скрылись под поверхностью воды.

– Я же не умею плавать! – мужчина, помогая себе руками, торопливо двинулся назад, на сушу. – Да еще и вымок весь! Теперь переодеться придется.

– Тебе помочь избавиться от мокрых тряпок?

Инга поплыла к берегу, быстро обогнав неуклюжего кавалера, встретила его у кромки воды. Глядя ему в глаза, собрала волосы в пучок, слегка сжала пальцами, избавляясь от лишней воды, закинула себе за спину. А потом начала расстегивать пуговицы сорочки. Обнажив грудь, она наклонилась вперед, осторожно целуя плечи, соски, шею. Аккуратно стянула рукава, отбросила снятую одежду на траву, опустила на колени и принялась распутывать завязки штанов, одновременно то тут, то там касаясь губами живота.

Наконец кальсоны поползли вниз, обнажая тело, и девушка стала стаскивать тугие штанины вниз, якобы случайно касаясь и без того напрягшейся плоти то плечом, то щекой, то лбом. Мужчина скрежетнул зубами, запустил пальцы девушке в волосы, однако смог дождаться того момента, когда его разденут, после чего повалил Ингу прямо в воду, едва доходящую здесь до щиколоток, и наконец-то ворвался в манящие врата наслаждения. По водной глади побежала мелкая рябь, полетели брызги, но в этот миг двое не замечали вокруг себя ничего.

Наконец мужчина издал протяжный стон, и отвалился в сторону, на спину, вытянувшись во весь рост. Набежавшая откуда-то волна перекатилась через его тело, хлестнула в лицо. Он фыркнул, но не шевельнулся:

– Какие вы все-таки счастливые, смертные... Столько ощущений, столько наслаждений и радости.

– Как хорошо с тобой, – негромко признала Инга. – Как хорошо, что ты есть... Ты знаешь, я всю жизнь мечтала о принце... Но вот никак не ожидала, что он окажется демоном.

– Я тоже никогда не думал, что моей наложницей окажется повелительница духов, – улыбнулся мужчина.

– Ты лжешь, демон, – приподнялась на локте девушка. – Ты сам подарил мне это кольцо. Наверное, ты всегда поступаешь так с девушками?

– Я всего лишь подарил тебе кольцо, – закрыл глаза мужчина. – Кто же знал, что из этого получится? Клянусь, за последние пятьдесят тысяч лет я впервые встретил подобную тебе, певунья.

– Ты живешь пятьдесят тысяч лет? – девушка перевернулась на живот, подгрестила под грудь песка. Выходить из воды она явно не собиралась.

– Существую... – ответил ее кавалер. – Воплощаться удавалось всего раз двести, может, чуть больше. Совсем не часто.

– И надолго ты здесь? На этот раз?

– Я же говорил. Мы заключили договор с вызвавшим меня епископом. Два года я служу ему, два года я владею его телом. Потом снова служу и снова владею. Это тело мое еще на полгода, после чего я опять становлюсь рабом.

– Я люблю тебя, демон, – неожиданно призналась Инга.

– Меня или тело?

– Дурак ты, хоть и демон, – она обиженно ткнула лицом в воду.

– Мне легче.

– Что? – соизволила вынырнуть девушка.

– Ты нравишься мне вся, – повернул к ней лицо мужчина, – и душой и телом.

– Просто нравлюсь?

– Не знаю... Мне нравится слышать твой голос, нравится созерцать тебя, говорить с тобой, овладевать тобой и просто прикасаться к твоему телу. Мне очень хочется, чтобы ты всегда была рядом.

– Это следует воспринимать как признание?

– Да.

– Но я так не хочу! – Инга уселась на песок, поджав под себя ноги. – Ты должен встать передо мной на колени, сказать, что любишь меня больше всего на свете и жить без меня не можешь. И осыпать цветами.

- Почему не могу жить? – удивился мужчина. – Вполне могу. Просто не хочется.
- Правда? – не сдержала довольной улыбки девушка.
- Разве я тебя когда-нибудь обманывал?
- Не знаю... – она провела ладонью по его груди, животу. – Получается, через полгода мне снова придется уйти?
- Иначе епископ сожжет тебя на костре. Помнишь, что он собирался с тобой сделать?
- Да уж, – зябко передернула плечами Инга. – Интересно, а что подданные думают, когда вы в теле меняетесь? Вы ведь оба по-разному правите?
- А ничего не думают, – мужчина тоже перевернулся на живот, и положил голову на скрещенные руки. – Не дело смертных мыслить о правителях. К тому же, ни одного приказа моего епископ не отменял. Он меня эти два года постоянно гонял купеческие тайны узнавать. Потом кредиты давал или отказывал, ставки менял, товар покупал. Четыре бочонка серебра, прежде чем тело покинуть, в подвале замка закопал. Податями да оброком такого ему за всю жизнь не собрать. Вот сервами больше и не интересуется.
- Демон был прав. Последние годы оказались для Дерптского епископства золотым веком. Шах-Али, частым гребнем прошедший по прибалтийским землям, собирая добычу, словно не заметил существования Дерптского епископства. То ли Господь внял молитвам правителя здешних церковных владений, то ли демон смог достаточно ловко выполнить приказ господина епископа – но по дорогам и весям татары рассыпались, только пересеча реку Педью, словно сочли земли епископства русскими и прошли по ним без грабежей. А после набега во всей Ливонии хлеб, рыба, мясо, лес, ткани и прочие товары после этого изрядно поднялись в цене, принеся здешним сервам и ремесленникам хороший доход.
- Но больше всех нажился сам дерптский епископ. Нажился настолько, что не стал отменять никаких из введенных в честь выздоровления московского царя послаблений, и даже летописцы псковские и ливонские отметили в своих трудах, что в священнике словно проснулся предприимчивый купец. И хотя правитель западного берега Чудского озера по-прежнему вынашивал замыслы нападения на Русь и даже засылал в сопредельные земли своих лазутчиков, но сил у него явно не хватало и последние годы ужасы войны не касались окрестных мест.
- Думаю, нам пора, – мужчина поднялся, с тоской посмотрел на свои вымокшие одежды. – Инга, как ты могла? Что я теперь одену?
- Повесь на кусты и иди ко мне, – девушка, перекатившись с боку на бок, ушла на глубину больше, чем по колено и, раскинув руки, заколыхалась на поверхности. – За полчаса ничего не изменится, а тряпье все высохнет. Жара-то какая!
- Мы не успеем, Инга. У нас сегодня служба в Пале.
- Служба? – девушка опустила ноги на дно, поднялась во весь рост. – С чего это тебя так беспокоят службы христианскому богу, демон?
- Мне нравится слушать твой голос, – мужчина, развесив штаны и сорочку на гибких ветвях орешника, повернулся к ней. – Это истинное чудо, с которым и вовсе нечего сравнить.
- Так в чем же дело? – Инга набрала полную грудь воздуха, вскинула лицо к небу:

Солнце свет, ярким светом,
Над Москвою и вокруг.
Почему же, люди летом,
Отправляются на юг...

Мощные голос гулко отразился от поверхности воды, заставил всколыхнуться листву деревьев, выпугнул в небо стаи птиц, а на озерный простор – несколько утиных выводков, таившихся в камышах. Хотя, конечно, это были не те звуки, которые возникают под высокими сводами каменных соборов, заставляя испуганно креститься неверующих и благоговейно зами-

рать истинных христиан. К тому же Инга почти сразу смолкла, раскинула в стороны руки и упала на спину:

– Господи боже, ну и жара...

Однако полноватый старец, сидевший в дубовом кресле в большом полутемном зале, вряд ли согласился бы с этим утверждением певицы, хотя королевский замок Стокгольма находился от Чудского озера совсем рядом – всего лишь через море, и над ним тоже расстиралось чистое небо и ярко светило солнце.

Увы, солнечные лучи уже не могли согреть кровь Густава Вазы, который собирался отметить в следующем году шестидесятый год, прожитый им на этом свете и тридцать второй, как он твердо восседает на шведском престоле. Не могла согреть его и соболья шуба, подаренная восемнадцать лет назад новгородским наместником, в которую кутался король, глядя через высокое окно на серые морские волны. Временами он проваливался в полудрему, в которой перед его глазами катились все те же волны – серые, играющие яркими солнечными бликами и иногда хвастающиеся белыми барашками на гребнях. И когда Густав открывал глаза, он даже не замечал, что перешел к яви из царства снов.

– Ваше величество, ваше величество! Война! – дверь в залу растворилась и внутрь ворвался паренек лет восемнадцати, с длинными русыми кудрями, рассыпанными по плечам, одетый только в тонкие суконные чулки и брасьер: бархатную короткую свободную курточку с маленькой оборкой у пояса, с короткими рукавами из отдельных лент, скрепленных выше локтя. Из-под рукавов брасьера выступали рукава рубашки, перехваченные в нескольких местах голубыми атласными лентами. На ногах паж красовались туфли с высоко загнутыми носками. – Ваше величество, война! Русские напали на наши суда возле Хакса!

– Что ты кричишь, Улаф? – вздрогнув в кресле, недовольно повернул голову король. – Какая война?

– Русские напали на наши суда возле островов Хакса, – подбежал к правителю паренек. – Они разбили часть кораблей, а остальных отогнали за острова. Это война!

– Война, война, – закричал, ворочаясь в своем кресле старик. – У нас вот уже сорок четыре года с русскими никаких войн не бывало. А если точнее, то и все двести, потому как договор по Ореховскому миру по сей день в силе остается. Откуда война, коли у нас никаких споров больше двух веков не случилось? Ну, говори: какие суда, чьи, откуда и куда плыли? Сколько людей перебили, сколько купцов?

– Там купцов не побили, – несколько смутился паж. – То из Оула корабли, они ставни рыбные проверяли.

– Ага, вот как, – кивнул король, возвращаясь к созерцанию морских просторов. – Тогда так и говори: потопили не корабли, а несколько рыбацких лодок. И не напали русские, а потопили лодки, подравшись на море из-за мест лова, удобных для ставней рыболовных. Война, война! То у нас каждый год то тут, то там между рыбаками и промысловиками драки. То тюленей не поделят, то лосося. Мне что, из-за каждого болвана войну начинать? А то и вовсе вместе ловят, а потом от податей увиливают, друг на друга кивая. Много потопло-то людишек?

– То в письме не указано...

– Стало быть, ни единого, – подвел итог король. – А сколько лодок попортили?

– Три.

– Вот олухи!

– Неужели вы, ваше величество, так все это русским и простите, никак ответно не покарав?

На этот раз старик повернул голову и внимательно взгляделся в паж. Что хочет он сказать этими словами? Уж не в трусости ли пытается упрекнуть? По сей день этого не смел сделать никто. Да и не удивительно. После того, как в тысяча пятьсот двадцать первом году он, простой рыцарь, поднял восстание против короля Кристиана второго и повел своих немногочис-

ленных сторонников против всего датского войска в его отваге больше не сомневался никто. Ведь все они должны были погибнуть под мечами датчан... Но они победили. После этого ригсдаг, окруженный рыцарями-победителями решил избрал Густава Вазу королем Швеции. Он расторг унию, отделив половину Дании и создав королевство Швецию.

Не меньше отваги требовалось и для того, чтобы разрешить в королевстве свободу проповеди лютеранским священникам. Рим взбесился, а он, выждав пять лет, пока большинство подданных не перешли в новую веру, конфисковал все церковное имущество, впервые доверху наполнив казну. Тогда вся страна ждала карательного крестового похода... Но ничего не случилось. Папа проглотил оскорбление, а он снова выиграл неравную схватку.

Знал ли про все это паж? Может быть, и нет: самые лихие годы правления Густава Вазы завершились как раз восемнадцать лет назад. Добившись для страны независимости во власти мирской и духовной, упрочив ее финансы он остепенился и больше искал с соседями мира, нежели ссоры.

– Нет, русским все это я так просто не прощу, – наконец ответил король. – Принеси перо и бумагу, я продиктую письмо.

Улаф, на этот раз не спеша, ушел, но через четверть часа вернулся, неся в руках дорожную стеклянную чернильницу, два гусиных пера и несколько листов бумаги. Следом трое слуг внесли легкий стол из темной вишни, стул. Повинуясь жесту пажа, поставили их возле окна.

– Я готов, ваше величество.

– А, да, – вздрогнул король, открывая глаза. – Пиши: *«Мы, Густав, божиею милостию швейцарский, готский и вендский король, гнев свой сдерживать не можем и тебе, наместнику величайшего князя, государя Ивана Васильевича попрекаем. Третьего дня людские разбойники из земель новгородских напали на рыбаков моих возле острова Хакса и побили их смертным боем, а три лодки их потопили вовсе. Посему надлежит тебе людшек сих немедленно разыскать, под стражу взять и примерно покарать, дабы безобразий сих никто чинить более не смел»*. Написал? Дай, подпись я свою поставлю... Вот, а печать сам приложишь. Потом письмо адмиралу Якобе отдашь, пусть с гонцом отправит. Все, ступай, – и король Густав снова закрыл глаза.

* * *

Зной стоял и над Северной Пустошью. Болота ушли куда-то глубоко под землю, в спасительную прохладу, оставив наверху, в память о себе, пересохший белесый мох, разлетающийся в пыль при малейшем прикосновении. Лишь кое-где посреди полей стояли зеленые островки камышей, напоминая, что осенью или весной здесь с железной неизбежностью снова зачавкает топь, заплещутся окна воды, подманывая к себе на водопой неосторожных зверей.

Во многих местах влага ушла так глубоко, что начали вспыхивать вековые торфяники, и над лесами повисла сплошная пелена сизого дыма. Поначалу появляющиеся то тут, то там дымки доставили людям, принимающим их за тревожные сигналы, немало хлопот, но вскоре все привыкли к постоянной гари и валящим местами прямо из земли светло-синим клубам.

Особенно много пожаров случилось вдоль реки Рыденки. Горело возле самого Замежья, возле Заозерья, Заручья, Заполя, Заклинья... Вспоминая все эти названия, Зализа иногда думал о том, что предки специально сговорились давать названия здешним местам только на «за...»: Загорье, Затинье, Запередолье, Запуговка, Замостье, Заболотье.

Впрочем, пожары не особо беспокоили опричника. В здешних местах все селения, кладбища, церкви, усадьбы стояли на холмах, благо возвышенностей, малых и широких, высоких и не очень хватало в достатке. Поля распахивались тоже на взгорках, а стога выкошенных в низинах лугов тоже ставились либо на холмике, либо на каменных кучах: найденные в земле камни смерды обычно скатывали в одну большую кучу, отчего каждое поле и каждый луг украшались каменным завалом, а то и двумя. Даже леса, что поднимались над чавкающими вязями

были чахлыми, редкими и низкорослыми. Сгорят – и не жалко. Настоящие боры все равно на возвышенностях растут, куда огню не добраться. Куда больше Зализу беспокоил урожай. В извечно сырой земле не смотря на долгую сушь оказалось достаточно влаги, чтобы напоить хлеба, а под жарким солнцем рожь поспела неожиданно рано – к началу августа. Уже всю золотились поля овса, его поджимала скороспелая гречиха. Все поспело нежданно одновременно, и собрать все это, не оставить осыпаться на полях стало основной заботой помещика.

Опричник отпустил по домам всю дворню из местных смердов, пошедших к нему в холопы, дал крепостным, у кого не хватало коней, рабочих лошадей из своей конюшни, уговорил иноземцев из Каушты отпустить своих баб на подработки в своих деревни: снопы вязать, серпом жать хлеб в неудобьях. Разрешил боярским детям, уходящим в засеку к Невской губе обходиться в дозоре двумя воинами. У боярских детей беда та же, что и у него, и каждые руки на счету.

Впрочем, у некоторых дело и вовсе худо. Если опричник и его друзья – бывшие кожевники из Углича, ныне тоже боярские дети, в севе и жатве ничего не понимая, с крепостных только оброк брали, то многие местные помещики завели еще и барщину. Теперь они в ужасе смотрели на колосющиеся чати, не зная, что с ними делать. Гнать крепостных на свои поля? Тогда они собственные отрезки сжать не успеют. Обозлятся на барина, да и уйдут в Юрьев день куда подальше. Ждать, пока смерды собственный хлеб уберут? Тогда свои поля осыплются, останешься с пустыми амбарами.

Прямо беда какая – Бог богатый урожаем послал...

Испугавшись последней мысли, Зализа торопливо перекрестился на крест церквушки, стоящей за рекой, на холме, рядом с небольшой кленовой рожей, под кронами которой скрывалось кладбище.

– Благодарю тебя, Господи, за милость Твою к рабам грешным, за хлеб богатый, за солнце жаркое...

Тут он увидел выезжающий из-за дальнего березняка отряд верховых никак не менее десятка, причем каждый вел в поводу никак не менее двух тяжело нагруженных верховых коней. На миг в груди государева человека екнуло, и он схватился за саблю – но тут Зализа сообразил, что едут конники по уходящей к Новагороду тропе, а значит упущенными порубежным дозором врагами оказаться не могут.

Гости пересекли жнивье, спустились к обмелевшей реке, пересекли ее вброд. С одной стороны – все безбородые, яко немцы. С другой – кроме одного монаха одеты все, вроде, по-человечески, в рубахи и шаровары. Сабли на боках изогнутые, не палки прямые. Зализа тронул пятками бока своего туркестанского жеребца, двинувшись по тропке наперерез. Неизвестный отряд ненадолго скрылся за склонившимся над прибрежным обрывом рябинником, после чего снова появился – но уже на расстоянии десятка сажень. И вот тут все сразу встало на свои места:

– Константин Алексеевич?! Как? Откуда?

– Семен Прокофьевич? Никак ждал меня, боярин?

Не видевшие друг друга почти три года знакомцы съехались и, поддавшись порыву, обнялись.

– Как живешь, Константин Алексеевич? Как чувствуешь себя? Какими судьбами в местах наших? Почто в рясе путничаешь, ако монах сирый? Как жена? Дети есть? Ехал через Москву? Государя видел? Андрея Толбузина видел? А Батовых видел кого? Как они живут, какие от них вести? Да что ты остановился-то? Едем в усадьбу! Баню стопить велю, сбитеня с дороги попьете. А потом кваску из погребца, да с ледника.

– Так, – начал загибать пальцы Росин. – Живу я по-разному, но мне нравится. Детей нет, но будут, это мы еще в школе проходили. В рясе потому, что она мне нравится. Ехал через Москву, но царя не видел. С Андреем Толбузиным мы, почитай, неделю вместе пылились,

Батовых никого не видел, и слышать не слыхивал, что у них поместья вблизи Тулы. Баньку хорошо, но сбитеня не надо. Лучше сразу квас. Что еще? А-а, дело какое... Чует моя душа, Семен Прокофьевич, что про мое дело знаешь ты очень даже хорошо.

– А-а, ну да, – сразу сообразил опричник. – Это хорошо, что ты согласился, Константин Алексеевич. Без тебя дело пошло бы куда как тяжелее. А у меня сын родился!

– Да ну?! Первенец?

– Он самый. Но Алевтина вроде как еще одного вскорости обещает.

– Это дело, боярин, – похвалил Костя Росин. – Без детей дом – сирота.

Они неспешной рысью миновали зализинскую деревеньку Замежье, по накатанной телегами дороге обогнули лесную опушку, повернули в лес, перевалили пологий холмик и увидели впереди помещичью усадьбу – окруженную высоким частоколом, с обширным домом в два жилища и несколькими сараями.

– Вот и дома...

Усадьба выглядела словно вымершей: никто не суетился возле конюшен и опустевшего скотного загона, не следил за гуляющими по двору курами, не стучал топорами возле поленницы. Разве только дремала на лавке старая бабка, да у частокола маленький пацаненок в длинной полотняной рубахе и без штанов старательно рубил деревянной саблей лезущий вдоль частокола из земли чертополох.

– Вот он, – прыгнув с коня, с гордостью подошел к мальчонке опричник и подхватил того на руки. – Данилой назвали. Подвластный Богу.

– У тебя в порядке все, Семен Прокофьевич? – с тревогой оглядел Росин двор, выглядевший так, словно его бросили все обитатели кроме нескольких упрямец. – Может, помочь чем нужно? Ты скажи.

– В общем, да, – кивнул хозяин. – Алевтина только спит, наверное. Трудно ей.

На счет холодного кваса Зализа гостей не обманул, но вот угощать пришлось скромно: пирогами, вареной убоиной, копченой рыбой, немецким вином. Мальчишкам из росинской дворни накрыла в людской нянька, отведшая малого к мамке в спальню, а блюда в трапезную носил и вовсе сам боярин.

– Не случилось чего у тебя? – опять, не выдержав, спросил Костя Росин. – Мы ведь все свои. С одного котла ели, вместе кровь проливали. Скажи, к чему скрывать? Свои мы ведь все, русские! В беде не оставим...

– О чем ты, Константин Алексеевич?

– У тебя усадьба выглядит, как тонущий корабль. Разбежались все, кроме капитана.

– А, это, – наконец-то сообразил опричник. – Тут уж ничего не поделаешь, так устроен мир. Весной в нем случается половодье, а осенью – урожай. Думаю, помочь в этом не в силах даже ты, Константин Алексеевич. Давай лучше выпьем за твое возвращение, боярин.

Они осушили кубки, закусив вино холодными пирогами, после чего Зализа поинтересовался:

– Ты когда в Ливонию собираешься, Константин Алексеевич?

– Сперва к своим в Каушту хочу заскочить, провести. Как они там, кстати?

– Дурных вестей нет, Константин Алексеевич, а хорошие пусть они тебе сами рассказывают, – уклончиво ответил опричник. – Так когда поедешь?

– День туда, день обратно, день на Каушту, – вслух прикинул Росин. – через три дня могу отправляться. Ты мне лучше скажи, Семен Прокофьевич, когда вы компанию свою начинать собираетесь? На какое время ребят нацеливать?

– Я так думаю, уборочную нужно закончить, к зиме подготовиться, коней подковать. Дождаться, пока зима реки и болота льдом закроет, чтобы к дорогам привязанными не быть. А хороший лед встает аккурат к декабрю. На декабрь мы уже и боярину Шуйскому ко Пскову сказали подходить, и мои охотники у стен Яма-города собираться станут. – Опричник вцепился

зубами в пирог, откусил большой кусок, прожевал. – Потому мыслю, Константин Алексеевич, начинать друзьям твоим следует в ноябре. Чтобы свара внутренняя разгореться и панику посеять успела, а разобраться в ней никто не успел. Коли они месяца два али три продержатся, потом уже все равно будет, соберутся прочие земли Дерптскому епископству помогать, али нет. Мы там осесть успеем накрепко, и никакая сила нас не выковыряет.

– Ноябрь, – задумчиво произнес Росин, по привычке пытаюсь откинуться на спину, и едва не упав с лавки. – Сейчас середина августа. Верхом до Сапиместкой фогтии дня четыре ходя. Будем считать, до нового года я все обговорить успею. Ребятам останется еще два месяца на все про все... Должны успеть... Но как передать им золото?

– А с собой ты его брать не хочешь, Константин Алексеевич?

– Ни к чему это, Семен Прокофьевич, – Росин потянулся за вареным мясом, взял большой кусок и начал старательно объедать. – Рискованно туда-сюда через границу таскать. А вдруг найдет или узнают про казну такую? А вдруг ребята откажутся, и придется назад мешок везти? Нет, ни к чему. К тому же, для такого дела я хочу им два десятка стволов перебросить с готовыми пулями и изрядным припасом пороха. Таких пищалей, что мои мастера куют, в Европе днем с огнем не найдешь. К тому же, пристреляны они под этот порох, пищали. А здесь пока, как я заметил, прицелы на мушкетоны и пушки ставить пока не принято.

– Это уже тяжело, – согласился Зализа, тоже налегая на убоину. – Через заставу пищали провезти не дадут.

– Я пока ехал, вот что подумал, – продолжил Росин. – А не подбросит ли все это нашим друзьям Баженов, Илья Анисимович? Как он живет?

– В дочке своей души не чаает, – зачесал в затылке опричник. – Ладью новую наконец-то купил, а полгода назад еще одну, и еще одну в Новагороде заказал... Я так мыслю, согласится он. Суда его по Оредежу каждый месяц до Каушты и назад ходят. Отчего и не забрать сверх товара еще кое-что, коли я попрошу? И торговать в Лифляндию он ходит, я знаю. Должен согласится!

– И когда мы это узнаем?

– Это сложнее, – вздохнул опричник. – К нему в Куземкино, до устья Луги, только по реке добраться можно. Зимой по льду я на своем туркестанце за два дня могу домчаться. А сейчас, на лодке... Это только в один конец неделя получится.

– Долго, – решительно мотнул головой Росин. – Полмесяца только ответа ждать! Я думаю, если мы хотим сделать все вовремя, груз Витя должен получить через месяц. Скажем, самое позднее: двадцатого сентября.

– Где?

– По уму, так как раз возле Эзеля свидание назначать нужно, чтобы ходить далеко не пришлось. Скажем, ганзейский город Гапсоль подойдет?

– Гапсоль, двадцатого сентября, – кивнул Зализа. – Хорошо, груз будет ждать их там.

– Точно? – недоверчиво склонил голову Росин.

– Я как тебя провожу, Константин Алексеевич, самолично сяду на баженовскую ладью, спущусь с ней по Луге и попрошу Илью Анисимовича пройти с ней до Гапсоля. Товар у него для такого плаванья всегда найдется, и мне он отказывать не станет. Так что, как в Каушту приедешь, прости весь свой товар загрузить на ближайшую ладью. И он приплывет туда, куда нужно.

– Ну, коли так, хорошо, – облегченно кивнул Росин. – Тогда все получится.

Он взялся за кубок, допил вино, заглянул внутрь.

– Постой! – спохватился опричник. – Я сейчас...

Он поднялся, быстрым шагом вышел за дверь, после чего вернулся с пузатой бутылкой чуть зеленоватого стекла, похожей на лабораторную колбу. Разлил немного плещущейся внутри жидкости по бокалам, кивнул гостю:

– Отведай, Константин Алексеевич...

Росин поднял кубок, принялся. Пахло холодком и чем-то неуловимо знакомым. Опричник, решительно опрокинув кубок, вылил себе в горло содержимое. Гость, после короткого колебания последовал его примеру. Поначалу показалось, что он просто выпил холодной колодезной воды. А потом пищевод вдруг сообщил, что по нему стекает нечто жутко горячее.

«Водка! – сообразил он и лихорадочно принялся собирать с блюд и запихивать себе в рот закуску. – А то и вовсе спирт».

– То твои сотоварища в Кауште изготовили. И меня угостили.

– Что же ты... – Росин закашлялся. – Что же ты, Семен Прокофьевич... Монополия же государева на водку...

– То на торговлю запрет царский имеется, – поправил его опричник. – А для личного баловства делать запрещения нет. Твои бояре торговать этим и не стали. Сами иногда употребляют, да меня угостили. Ну что, боярин, еще по одной и в баньку пойдём?

– Давай, – решительно махнул Росин. – Сто лет водки не пил.

Глава 2

Каушта

Банька у опричника на этот раз оказалась неудачной. Протоплена слабо, вода не то чтобы холодная, но и не горячая, пара нет. Девок, спинку потерять – ни одной. Только и удовольствия, что окатиться от насевшей за долгий путь пыли, на выпить с хозяином еще по чуть-чуть «беленькой». А потом еще чуть-чуть, и еще... И кончилось все это тем, что проснулся он лежа голым поперек кровати, оказавшиеся в тени ноги и голову приятно холодило, а попавший под утренние лучи живот словно полыхнуло огнем. А голова...

Осторожно удерживая ее на плечах и избегая резких движений, Росин поднялся, оделся, спустился на первый этаж и вышел на плечо:

– Семен, – окликнул он своего холопа, достающего воду из колодца. – Седлайте, сейчас дальше двинемся.

– А что так рано, Константин Алексеевич? – услышал он молодой женский голос, оглянулся и приложил руку к груди, поскольку кланяться побоялся:

– Благодарствую за все, хозяйюшка, но поря нам отправляться.

– Как же не поевши-то? – Алевтина поправила накиннутый на волосы платок.

– Передай мои извинения Семен Прокофьевичу, хозяйка, но больно дело спешное у нас, – при мысли о еде Росин почувствовал, как его начинает мутить, и он убедительно добавил: – Своих сотоварищей я уже три года не видел. Сама пойми, боярыня. Невтерпеж.

Семен подвел к крыльцу оседланного скакуна, и Костя Росин торопливо поднялся в седло, пнул мерина пятками:

– Н-но, лентяй! – скорее, скорее в лес, на свежий воздух, где наверняка станет легче. А если и хуже: так хоть не на глазах симпатичной молодой женщины.

Дворня нагонит, не потеряется. Не дети малые – по восемнадцать лет уже каждому. Даже не новики – воины. Бояре в их возрасте уже по три года службы за плечами имеют. Пару походов воинских, а то и сечь кровавых. Не пропадут...

От усадьбы дорога, пересеча широкий луг, нырнула в почти прозрачный сосновый лес, не имеющий никакого подлеска. Сквозь гарь пахнуло смолой, пересохшей хвоей и головная боль и вправду отступила. Росин даже попытался перейти на галоп, но от тряски вчерашняя водка тут же подкатила к горлу, и он поспешил вернуться к плавной широкой рыси. С интересом оглядываясь по сторонам и вспоминая первые месяцы пребывания в шестнадцатом веке.

Тогда всем им казалось, что проще ходить пешком, нежели взбираться на это непонятное, жутковатое устройство под названием «лошадь»; что без электричества, телевизора и водопровода они вымрут тут в течение месяца; что пропадут, не зная толком, как пользоваться сохой и правильно точить косу; что первый же встречный крестьянин устроит на них облаву и их сожгут на общем костре, как колдунов или запытают, как вражеских лазутчиков неведомо какой страны, а то и вовсе продадут в рабство или забреют в крепостные.

Смешно... Теперь это смешно – а тогда они еще не знали, что на богатую сытую Русь бежали ремесленники и пахари со всей нищей полуголодной Европы, да так лихо, что в Польше, Литве и Ливонии даже кордоны от этих эмигрантов ставили – а потому в русских землях привыкли к людям самых разных привычек и обычаев, с терпимостью принимая всех, готовых честно трудиться на общее благо. Что готовность сражаться за святую Русь с оружием в руках ценится среди бояр куда выше происхождения, и коли ты храбр и честен – то сразу признаешься равным среди равных. Что любой родившийся на русских землях человек считается изначально вольным, пока сам не решится продаться в холопы или не осядет где-то крепостным – а потому случайный встречный всегда воспринимается окружающими как человек свободный, а не чей-то раб, за которым нужен догляд, чтобы потом вернуть хозяину. И

что каждый мальчишка, окончивший среднюю школу в далеком двадцатом веке имеет достаточно знаний, для занятия каким-нибудь простым, но для шестнадцатого века экзотическим ремеслом вроде варки стекла или прессования бумаги. Было бы желание трудиться, а соха в шестнадцатом веке – далеко не самый главный рабочий инструмент.

Дорога нырнула вниз, к мостку из четырех бревен с настилом из округлых жердей, лежащему над пересохшим ручьем, потом потянулась через густой осинник, листовенная подстилка которого вяло курилась сизым дымком. Только здесь Росин наконец сообразил, что в его время – три года назад, никакой дороги здесь не имелось, а вилась токмо узкая тропа, по которой двое всадников бок о бок проехать не могли.

– Однако наша Каушта становится популярной, – негромко отметил он. – Скоро ямской тракт до самого Новгорода проложат...

Позади послышался гулкий топот: своего господина нагнали пятеро ребят во главе с зеленоглазым Семеном в темно-синей косоворотке. Все переложили пищади поперек седла, дабы иметь возможность немедленно пустить их в дело:

– Пошто пугаешь, барин? – попрекнул хозяина холоп. – Как можно одному в лес? А вдруг станишники у дороги таятся?

– Остальные где? – Росин не стал объяснять рабу, что ожидал увидеть здесь всего лишь узкую тропку.

– Выюки тяжелые, Константин Алексеевич, – пояснил Семен. – Коней под ними в галоп не пустить. Подождем?

– Потом, – медленно качнул Росин головой из стороны в сторону. – До развилки на Еглино доедем, там у ручья и остановимся. Костер запалим, пообедаем нормально.

– Как скажешь, барин, – Семен решительно обогнал хозяина и поехал в десятке шагов впереди, настороженно поглядывая по сторонам.

– Прямо почетный эскорт, – хмыкнул Росин. – Вам только мигалок синих не хватает...

Холопы промолчали. Они привыкли, что их боярин часто употреблял странные бессмысленные слова, и не особо задумывались над ними. Кормил он своих людей сытно, одевал не в обноски, а денежку на обнову давал. Оружие доверил ладное, огневое. А чего еще от хозяина нужно? Не во всяких княжеских домах и это получить удастся! А что боярин временами странен бывает – так то не их ума дело. Лучше в сытости со странным хозяином жить, чем в голоде – с нормальным.

* * *

Каушта открылась впереди неожиданно – только стояли по сторонам от дороги плотными стенами высокие сосны, как вдруг резко оборвались, и потянулись справа и слева загородки, в которых паслись без пастушьего пригляда коровьи стада и овечьи отары, а впереди показались широкая россыпь домов в окружении небольших палисадников, величаво вращающиеся крылья трех ветряных мельниц, трубы стекловарни на берегу реки, послышалось мерное шарканье лесопилки. Не смотря на уговоры опричника, одноклубники еще при Росине решили, что никаких стен ставить не будут. Все прекрасно помнили, что аж до конца Смуты на берегах Невы и Невской губы ни единого врага не появлялось. А это еще шестьдесят лет – чего бояться? Вот потому и стояли теперь дома широко и вольготно, за сто метров друг от друга, а не давились как жилища во всех прочих городах вроде Пскова или Смоленска.

Росин почувствовал, как в груди екнуло – словно не в построенный недавно на берегу Суйды поселок он въезжал, а в родной дождливый Питер. Издалека донесся писклявый смех. Боярин поднялся в стременах и с удивлением увидел, как между стекловарней и сеновалом, на песчаном прибрежном пляже бегают дружной гурьбой пузатые малыши.

– Ох, и не хрена себе! Добился, стало быть, своего упрямый Зализа, оженил моих архаровцев, – Росин дал шпоры коню, с места сорвавшись в галоп.

На гостя обратила внимание женщина, колдующая на летней кухне, прикрыла глаза от солнца ладонью, повернулась в сторону старого, еще первого двора из трех домов и часовни, что-то крикнула. Со двора появилась другая женщина, всплеснула руками, кинулась внутрь. К тому моменту, когда Росин осадил коня возле кухни и спрыгнул на землю, вглядываясь в незнакомое лицо поварахи, от часовни внезапно сполошно ударил колокол.

Гость оглянулся, увидел, как выскочивший со двора бородач бросил на землю топор, тут же послышался топот со стороны реки и от мельницы.

– А-а-а! Костя вернулся!!!

В последний миг Росин смог-таки опознать в бородаче давно небритого Игоря Картышева, как тот уже сжал его в своих объятиях. В тот же миг еще кто-то напрыгнул на него справа, слева, сзади...

Нагнавшие барина холопы кружили вокруг, тиская рукояти сабель и не зная, что делать – то ли спасать хозяина от мужиков, что с яростными воплями кидаются к нему со всех сторон, совершенно скрыв с глаз, то ли ничего страшного пока не происходит.

Наконец, страсти немного поутихли и Росину удалось выбраться из удушающих объятий.

– Эй Зина, – крикнул в сторону двора Картышев. – Давай, на стол мечи, все что есть в печи! Гость приехал! Завязываем с работой на сегодня. Гулять будем!

– Ну да, – вышла, вытирая передником руки, простоволосая женщина. – Вы там нажираться будете, а я вам буженину таскать? Мне тоже с Костиком поговорить интересно. Марью свою в погреб гони.

– Семен! – крикнул через головы одноклубников Росин. – Лошадей во двор с часовой заводите, там разгружайте и расседывайте. Конюшня все еще там, Игорь? Семен, там и конюшня, и сено. Как со скакунами разберетесь, сюда, к столу возвращайтесь. Тут, как я понимаю, все еще коммунизм. Так, Игорь?

– Он самый! – с силой хлопнул гостя по плечу Картышев. – Пошли под навес, там поговорим.

Ненадолго толпа рассосалась: одноклубники возвращались к своим мельницам и печам, заканчивая работу и останавливая механизмы. Тем временем Зинаида с несколькими помощницами, в которых Росин узнал взятых в Ливонии, во время набега на Дерптское епископство, невольниц, накрывала на стол. Тут было уже и привычное вареное или копченое мясо, пироги, миски с солеными огурчиками, здесь же и почти забытый холодец, заливная рыба. Появились на столе и запотевшие – с ледника – пузатые колбочки с прозрачной жидкостью, название которой любой русский мужик угадывал с полувзгляда.

Вскоре одноклубники начали опять собираться за столом.

– Ну давай, колись, – опустился Картышев на скамейку рядом с председателем клуба «Черный шатун». Теперь уже, наверное, бывшим. – Где тебя носило, как ты сам теперь, что за ребята с тобой? Родить десятерых за три года, при наличии желания, еще можно. Но вырастить до такого возраста...

– Холопы, – кратко пояснил Росин, глядя на свою дворню усевшуюся плотной группой в дальнем конце стола.

– О-о, да ты теперь рабовладелец? – вопросительно поднял брови Картышев.

– Уж чья бы корова мычала... – хмыкнул гость. – Невольницы, что мы три года назад взяли, как я погляжу, до сих пор здесь крутятся. И коли детей не аистов стая принесла, то и оприходованы они по полной программе.

– Выстрел прошел за молоком, – улыбнулся Игорь. – Все девки состоят в честном церковном браке. Отец Тимофей свидетель. А ты, Костя, натуральный рабовладелец!

– Отвяжись, – поморщился Росин. – Я никого за уши в холопы не тянул. Сами продались. И за хорошие, между прочим, деньги. Каждый из них, может статься, свою семью этим серебром из нищеты в середняки вывел. Теперь, естественно, отработывают. А ты чего хотел? Чтобы я благотворительностью...

– Да хватит вам трепаться! – перебил обоих Миша Архин. – Выпьем давайте! За встречу! Одноклубники чокнулись, опрокинули в себя рюмки, потянулись к огурцам.

– Никак, маринованные? – удивился Росин. – Сто лет не ел.

– Ничего, еще накушаешься, – пообещал Картышев. – Ну, давай, рабовладельческая морда, рассказывай, как дошел до жизни такой? Что с тобой Зализа сотворил, после того, как увез?

– Ну, отвез в Посольский приказ, – почесал лоб Костя. – Там я про крамолу супротив царя еще раз рассказал... Ну и все...

– Что, и все? – удивился Игорь. – Что, так просто и поверили?

– Ну, спрашивали долго, правда или нет.

– Просто спрашивали?

– Ну да, – вздохнул Росин. – Повесили на дыбе к потолку, кнутом нахлестывали и спрашивали... Просто...

– Ой, мамочки, – испуганно прижала ладони к губам Зина. – Как же ты?

– Сказал, что правда, – кратко ответил Росин, не желая вдаваться в неприятные воспоминания. – Они поверили.

– А потом?

– Потом... – Костя с усмешкой вспомнил свой визит к царю. – Потом спросили, чего я хочу в награду. Я, до Государя дорвавшись, сразу целую программу действий выкатил. И про антихолерные карантинны, и про воспитательный набег на прибалтов, и про государственную монополию на внешнюю торговлю пушниной. Если вы заметили, Иван Васильевич выполнил все.

– Ишь ты, как он уважительно заговорил, – покачал бородой Картышев, пригладив черную бороду. Под густыми мелкими кудрями шрамов от давних ожогов у бывшего танкиста почти не различалось. – «Иван Васильевич»! Вот стало быть, откуда у всех реформ уши растут! А то, что этим летом указ вышел об отмене воевод и введении местного самоуправления на основе выборных представителей от боярства, ремесленников и смердов... – договорив до конца длинную фразу, Игорь задохнулся, остановился, набрал воздуха и закончил: – Это тоже твоя работа?

– Нет, не моя, – покачал головой Росин. – А вот к созданию церковно-приходских школ я свою лапу приложил!

– Ну, ты монстр! – восхитился Картышев. – Везде успел отметиться!

– То не я, – покачал головой Костя и взялся за рюмку. – Ну-ка, мужики наливайте! За царя я выпить хочу. За нашего нынешнего государя Ивана Васильевича, что уже сейчас размеры Руси втрое супротив начала века увеличил, города строит десятками, крепости сотнями. Который первым право голоса людям русским дал, смердов к образованию допустил, дорогу наверх им открыл. Который не десять шкур с мужика драть пытается, а ремеслам и купцам дороги к прибытку открывает. Повезло Родине нашей с государем. За него и выпить хочу!

– Боже мой, до чего мы дошли, – покачал головой Игорь. – Я, коммунист в третьем поколении, за царя пью!

Однако от рюмки отказывать не стал.

– А дальше-то что было? – вернулся к прерванному разговору Архин. – После того, как отпустили?

– Ну, короче, когда государь доставать начал: чем, да чем за преданность вознаградить, я попросил руки другие дать, заместо палачом вывернутых... – тут Росин выдержал паузу, давая

одноклубникам вдуматься в загадку. – И он дал... Молодую вдову Салтыкову, чтобы вместо рук, пока не выправлюсь, была.

– Я виду, наш шеф на глазах становится ярим монархистом, – прокомментировал Картышев.

– Помолчи ты хоть немного, – отмахнулась от него Зина, – дай дослушать. А дальше?

– Да в общем, и все, – пожал плечами Росин. – Обвенчались мы с Настасьей и уехали в имение салтыковское, под Тулу. Ну а там, имея кое-какую казну и смердов умелых, я несколько мануфактур поставил, типа здешней. Опыт уже был, так что получилось все быстро, без накладок. Тула город торговый, купцы на товар нашлись. Так что, ныне я уже не просто боярин, но и буржуин. Вот. Ну, а ваши дела как?

– Юлия замуж вышла! – тут же выпалила Зинаида. – Как Зализа с Москвы вернулся, так она сразу за Варлама Батова и выскочила! Они там все вместе с братьями куда-то к Осколу поехали.

– Ах вот почему опричник про Батовых спрашивал, – сообразил Росин. – Они аккуратно мимо моего поместья ехали. А я и не знал.

– А детей, пока тебя не было, народилось, – продолжил за ней Картышев, – аж тридцать две души. Некоторые молодцы аж по паре успели настругать. Так что, Костя, растем, как на дрожжах. Скоро город здесь будет. Мы его Шатуном в честь клуба назовем.

– Это дело хорошее, – кивнул гость, грустно заглянув в рюмку: – у него с женой пока ничего с этим делом не получалось.

– Да, чего-то мы засиделись, – спохватился Игорь. – Наливайте, мужики.

Они дружно опустошили рюмки, на этот раз забыв сказать тост.

– Ну, а хозяйство как, растет?

– Я прошлой весной пороховую мельницу поставил! – тут же похвастался Архин. – То есть, мы поставили. Скотины у нас развелось изрядно, говна хватает, так что селитра своя...

– Да ну тебя, Миша, – поморщилась Зинаида. – Вечно ты к столу какую-нибудь пакость ляпнешь! Помолчал бы лучше...

– А я чего? – возмутился Архин. – Я про мельницу.

– Я ведь подарки привез, – улыбнулся Росин. – Барабаны железные, специально для растирания тряпья кованные. С зубьями, с теркой, все как полагается. А то вы, небось, все еще мельничьими жерновами пользуетесь?

– Точно-точно! – радостно подпрыгнул Миша. – Мне жернова железные нужны! А то в порох песок попадает. Мякоть ведь не просеешь, шарахнуть может.

– Это мы еще посмотрим, кому нужнее, – осадил его Картышев. – С твоего пороха даже Стрелецкий приказ нос воротит, как их Зализа не подмазывал. А на бумагу Соловецкий монастырь даже гонца специального прислал, чтобы заказать.

– Так не берут-то как раз потому, что с песком получается! – опять вскочил Архин. – А коли железные приспособить, зелье пойдет самый класс!

– Чего вы ссоритесь? – пожал плечами Росин. – Коли нужно, я жене отпишу, чтобы еще несколько штук дала. Привезти, надеюсь, сами сможете? А то дела у меня тут намечаются...

– Ну ты деловой стал, буржуинский рабовладелец, – покачал головой Картышев, поднимая рюмку. – Ладно, давай выпьем, чтобы машины наши крутились и реки не мелели!

Растекаясь по жилам, водка быстро привела людей в благодушное настроение, и на дальнем конце стола уже начали вспыхивать споры о чем-то своем – там уже и забыли о причине общего сборища за праздничным столом.

– Какие у тебя дела-то могут быть в нашей глуши, монархист? – поинтересовался Игорь, хрустя маринованным огурцом. – Скажешь, али тайна страшная?

– Какая тайна, через пару месяцев все равно узнаете, – пожал плечами Росин. – Кажется, к зиме война новая начнется.

– С кем?

– А с кем здесь воевать? – даже оторопел от такого вопроса Костя. – С ливонцами, ес-сес-с-с-но... Тьфу, буква в зубах застряла.

– Ливонская, что ли, уже начинается?

– Похоже на то, – кивнул Росин. – Только вы не бойтесь. Исполчать никого царь не собирается. Ближние его бояре охотников только скликнуть хотят, и все. Вас никто не тронет.

– Х-ха! – передернул плечами Игорь. – Давай-ка еще по одной, и я тебе кое-что расскажу.

– Давай.

Они выпили, и Каргышев подсел к гостю поближе.

– Понимаешь, Костя. Жил я в свое время в двадцатом веке. Ну, да все мы в нем жили. Тоска была страшная. То есть, пока в танковых служил, соскучиться не давали, ты знаешь, но как демобилизовыва-а-а-ли, так жизнь натурально кактусиная началась. Пенсией раз в месяц поливали, чтобы не засох, да в охране на стройке маленько зряплаты капало. И сидишь в своей комнатухе, как кактус в горшочке, да телевизор смотришь, и все веселье. Вот тогда я к тебе в клуб и пришел. Хоть иногда оторваться, мечом и топором помахать, древним ратником себя вообразить. Понятно излагаю?

– Вполне.

– Ну, дальше сам знаешь. Как нас сюда крякнуло, веселье началось по полной программе. Накушались желанного «ретро» по самое «не хочу». Вот. Ну, посидели, отдохнули. Три года я окромя стекла и печи ни хрена не видел. Так вот, Костя. Что-то я себя все больше и больше ощущаю кактусом... Ты меня понимаешь?

– Наверное, да...

– И я так думаю, за этим столом я такой не один. Потому, как в «Черного шатуна» любители телевизора не записывались. Так что давай, Костя, еще по одной, и дай мне слово, что своим дружанам ты шепнешь, что десятка два добровольцев из деревни Каушта к ним в ватагу записаться отнюдь не прочь.

– Два десятка? – не поверил своим ушам Костя. – Ты уверен? А как же хозяйство все: стекловарня, лесопилка, бумажная мельница, пороховая?

– А что? – пожал плечами Каргышев, наливая себе, госту и подставившему рюмку Мише Архину. – Мы же уже оставляли всю эту тряхомудию на половину ребят, и ничего, справлялись. Или забыл? Или думаешь, что у нас тут все разрослось до небес? Фиг! Зализа, гад, людей на работы брать не дает. Бойтся, смерды его к нам перебегут, и он без крепостных останется. Вот так. А новгородцев тоже сюда не звать, у них в городе деньги хорошие крутятся, не чета нашим. Выпьем?

Он опрокинул рюмку, крякнул, потянулся к копченому мясу, жадно зажевал.

– Я вот чего не понимаю, Костя, почему нам всю жизнь про безработицу говорили? У нас, сколько себя помню, все время рук рабочих не хватает. Так, Миша?

Архин кивнул.

– А в поход на ливонцев пойдешь?

– Конечно пойду! Тоскливо тут больно. Скука, кровь в жилах застоялась. Три года одних жерновов и мельничных крыльев! Нет, ребята, покой – это хорошо. Но чтобы понять его прелесть нужно хоть время от времени покувыркаться в горниле ада! Костя, если ты не возьмешь нас с собой, считай, что мы никогда не были знакомы, а я стану твоим кровным врагом!

– Миша, а ты не погибаешь? – покачал головой Росин. – Там, вообще-то, пули летать будут. И стрелы.

– Костя, – Игорь опять потянулся за бутылкой, – ты даже представить себе не можешь, какой это кайф, когда ты промчишься под этими пулями, и останешься жив! Я клянусь тебе, Костя! Когда тебе в лоб высадили очередь из крупнокалиберного пулемета, а ты не получил ни царапины, то после этого даже просто лежать на койке и смотреть в потолок – это и то кайф

почище свежей бабы. Правда, надолго его не хватает и через неделю нужно искать или бабу, или снова лезть под пулемет. Блин, водка кончается... Ну что, по последней, или на ледник кого пошлем?

– Ага, – кивнул Росин. – У вас кончились свежие бабы и теперь требуется пулемет?

– Дурак ты, Костя, и шуточки у тебя дурацкие. Ч-черт, Миша, посмотри во в том флаконе, там еще чего-нибудь осталось? Ага, хорошо... Как думаешь, Костя, как проще срубить денег, работая на огороде, или ограбив инкассатора? Ну, ответь!

– Инкассатора срубить проще, – ухмыльнулся Росин. – Но только посадят, если на месте не пристрелят.

– Нет, Костя, шанс есть... Ну, скажем, один к двум, что получится. К чему это я?.. А-а... Так вот, Костя. Все знают, что заработать честно столько, сколько у инкассатора в сумочке, невозможно. Все знают, что можно взять все одним махом, хотя и с изрядным риском. Однако решаются рискнуть единицы. Остальные продолжают копать свои грязные грядки.

– Игорь...

– Нет, нет, подожди! – вскинул руки Картышев. – Я знаю, есть еще честность, есть совесть... Но! Кто-то готов взять в руки меч, а кто-то всю жизнь предпочитает сажать морковь. Нет, подожди!

– Я не стану ждать! – стукнул кулаком по столу Росин. – Я хочу, чтобы ты налил именно сейчас!

– А, это пожалуйста, – Игорь набулькал понемногу себе, гостю, а оставшуюся в бутылке водку вылил Архину. – Так вот, Костя. Люди, которые предпочитают тяпку мечу никогда, ни-ко-гда не придут в наш клуб. Отсюда вывод. Если ты думаешь, что мы способны сидеть здесь три года и радоваться жизни ты не прав. Электрическая сила! Да я в двадцатом веке каждую неделю хоть раз, но на мечах рубился. А здесь, в шестнадцатом, уже три года как баран в стойле стою.

– Как боевой конь! – поправил со своей стороны Архин.

– Да, – кивнул Игорь. – Надоело. И еще... Зализа, говнюк, мужиков деревенских нанимать не дает. Вот если бы удалось хотя бы полсотни невольников в Ливонии заловить, мы бы нехило дело расширили.

– Вот значит как! – поперхнулся Росин. – Я, значит, рабовладелец, а ты невольников себе у немцев наловить хочешь? Не боишься, что они восстание Спартака тебе здесь устроят?

– Не, не боюсь, – мотнул головой Игорь. – Есть те, кто любит меч, и те, кто предпочитает тяпку. Первых тебе никогда не удастся поймать, потому, что они не станут прятаться, они выйдут навстречу и попытаются тебя зарезать. А вторые никогда не устроят бунт. Если, конечно, самому не свихнуться и сильно их не довести. А Спартак, если помнишь, был гладиатором. Человеком меча!

* * *

Росин проснулся на травке, заботливо укрытый верблюжьим одеялом, и со свернутым в длинный рулон войлочным ковром под головой. Судя по тому, что и одеяло, и ковер были из его сумок – о барине позаботились холопы. Правда, самих их вблизи видно не было.

«По девкам, небось, разбежались» – подумал Костя, но тут же вспомнил, что девок в Кауште нет. Те, что родились, для его двора еще слишком молоды. А все остальные – староваты. Да и замужем уже поголовно.

Он покрутил головой, потом откинул одеяло и поднялся. Покачал из стороны в сторону головой. Как ни странно, она не болела. Наверное, не протрезвел просто еще толком. Похмелье до мозгов не дошло. Вдоль стола лежало еже не меньше десятка тел, и Росин подумал, что этой ночью свободные девки как раз должны иметься.

Неподалеку зашелестела трава, поднялась взъерошенная голова Антипа.

– Это ты, барин? У меня рассол есть, ввечеру с огурцов слил. Дать?

– Давай, – подошел ближе Росин. – Стожишь?

– А как же... Вчера, почитай, все мужики накушались. А ну, случись что? Вот Семен мне, Лешке и Петру хмельного касаться и запретил.

– Молодец. Сам-то где?

– В конце стола лежит, – осклабился холоп.

– Вот засранец! – восхитился Костя. – Других на сухой паек сажает, а сам ужрался...

– Кому-то и караулить надо, барин, – пожал плечами Антип и протянул чашку с рассолом. – Ты извини, что с травы поднимать не стали. Потревожить боялись.

– Спасибо, – Росин вернул пустую кружку, потом вернулся на свое место, раскатал войлочный коврик, лег на него и снова уснул.

* * *

Новый день прошел в хлопотах: мужчины распаковывали привезенные Росиным вьюки, устанавливали на места новые жернова для мельниц, железные валы с шестернями вместо деревянных слег, примеряли чугунные колосниковые решетки для печей обычных и верхние плиты для печей кухонных, обменивались способами литья и выдувания стекла, найденными за то время, пока каждый работал на своих мануфактурах. Где-то к обеду разобрались со всеми вопросами, и снова собрались за общим столом – на этот раз уже с женами, и без водки. Хотя без шипучего яблочного вина, разумеется, не обошлось.

– Ты на счет участия в походе всерьез говорил? – решил спросить Игоря еще раз Росин.

– Вполне, – спокойно ответил тот. – С одной стороны, рабочих рук взять больше негде. С другой, руки по мечам соскучились. Не на игры же нам здесь собираться, Костя. Сам согласишься – бред. Коли уж играть, так по-настоящему.

– Наверное... – прикусил губу Росин, вспоминая схватки в лесу на невском берегу, горячую сечу на люду Луги и берегу Чудского озера, острый холодок внизу живота при виде набегающих врагов и восторг победы, тяжелые переходы и отдых у походного костра. Теперь он начинал понимать, почему альпинисты лезут в горы, почему туристы скатываются на байдарках по бурным рекам, а спелеологи лезут в пещеры. С одной стороны – дурость, бессмысленное стремление навстречу смерти. С другой... С другой: отними у человека возможность хоть иногда взглянуть в глаза смерти и уцелеть – и жизнь навсегда станет пресной и бессмысленной.

– «Тачанка-то» наша с пищалями где?

– Здесь, в сарае стоит. Под сеном, – ничуть не удивился вопросу Игорь. – Стволам ведь без разницы, лишь бы сухо было. И внимания лишнего не привлекают.

– С порохом, как я понимаю, проблемы нет... – Росин принялся загибать пальцы: – сентябрь, октябрь, ноябрь. Нормально, успею обернуться. Короче, полсотни ядер под размер стволов и картечь я у себя на кузне сделаю и к зиме привезу. А ты костыли попытайся сделать у полозьев, чтобы в землю вколачивать. А то отдачей уже несколько раз лошадям ноги ломало.

Теперь, когда решение было принято, на душе сразу стало легко и спокойно.

– Вы к декабрю готовьтесь. Пойдем, я думаю, с Зализой. С ним спокойнее, уже знаем, что не дурак.

– Все сделаю, Костя.

– Самое главное... В доме, в комнате нашей... Теперь твоей... Там два тюка лежит. Как ладья от Баженова придет, ты эти тюки на нее в первую голову грузи. А что с ними делать потом Зализа объяснит. Ты кормчего предупреди, что опричник с ним по Луге вниз пойдет. Обязательно предупреди!

– Понял, не дурак.

– Тогда, кажется, все, – поднялся Росин из-за стола. – Семен! Седлайте коней, отправляемся!

– Так сразу и уезжаешь?

– Теперь ненадолго, – улыбнулся Костя, притянул Игоря к себе, обнял, похлопал по спине, потом помахал рукой всем остальным: – Осенью увидимся, мужики. До встречи!

Глава 3

Фогтий Витя

Зализа самолично проводил старого знакомого до безымянного ручья у ливонской деревни Трески, за которой стояла епископская застава. Возможно, предосторожность была излишней – но опричнику не хотелось, чтобы кто-то проявил излишний интерес к тому, куда и зачем направляется тульский помещик со своей свитой. А ну, к литовцам решил перебежать? Подметных писем литовский князь и польский король ноне немало знатным людям отправляют. Присутствие же государева человека, едущего бок о бок с боярином, сразу решало все вопросы – значит, нужно так. К царским делам лишнего интереса лучше не проявлять.

У мостка опричник остановился, съехал с дороги к рано пожелтевшей акации.

– Доброго пути тебе, Константин Алексеевич.

– До встречи, Семен Прокофьевич, – кивнул Росин. Он хотел было напомнить Зализе про необходимость спуститься с бажендовской ладьей по Луге до Куземкино, про то, что к пятнадцатому сентября драгоценный груз должен быть в Гапсоле, но вовремя сдержался: ни к чему такие вещи говорить при лишнем ушах. А потому просто кивнул на прощание и пнул пятками бока своего мерина.

Конь, гулко стуча копытами по жердям пошел через ручей прямо на ливонского пикинера, устало привалившегося к перилам и не столько держащего свое копьё, сколько висящего на ней. Воин, одетый в потертую кирасу, с завистью смотрел на всадников, путешествующих в одних рубахах, и молча обливался потом. А навстречу путникам из тени клена поднялся другой воин – усатый, в шапке с широкими полями, похожей на ковбойскую шляпу, но только выкованную из железа и украшенную длинным петушиным пером, в кирасе с узорчатым воронением, бордовых кальционах до колен, серых чулках и черных туфлях с большим бантом. На боку болтался длинный тяжелый меч, едва не волочась ножами по земле. Видать, не просто служивый, а породистый рыцарь из местных – крестоносцы дерптскому епископу не служили.

Почему-то именно тонкие суконные чулки, носимые в Европе почти всеми, вызвали у Росина ощущение беспредметной брезгливости как к подобному наряду, так и к самому несущему службу кавалеру.

– Кто таков, куда едете? – лениво спросил начальник караула, оглядывая отряд из одиннадцати молодых парней, ведущих в поводу по паре заводных коней.

– Боярин Константин Алексеевич Салтыков, – откинул на спину капюшон Росин. – Еду в Гетеборг, к сестре, за барона Ульриха фон Круппа замуж вышедшей, на крестины. Племянница у меня родилась.

Костя отнюдь не врал. Получив через жену имение Салтыковых, он мог смело называть себя по наименованию поместья. В конце концов, так почти все бояре делают, прикидываясь белыми и пушистыми. Род Годуновых, например, от Димки Зерна родословную ведет; род Захарьинских и Колычевых – от Андрюшки Кобылы; Романовы еще полвека назад прозывались Кошкины.¹ Главное, найти имение с красивым названием – и ты уже не Ванька какой-нибудь, а Овчина-Оболенский-Телепнев!

– А почему через Ливонию?

– Мне так ближе, – хмыкнул Росин. – Пешком через чухонские болота ехать, так это вкруголя изрядно получится.

Рыцарь еще раз окинул собравшуюся за спиной путешественника дворню, недоверчиво покачал головой:

¹ Имеется ввиду конец 15 века начало 16.

– Люди твои, кавалер, одеты богато, а сам ты в рясе монашеской. С чего бы это?

– А ты что, портняжка, платья чужие оценивать? – Росин, уже отвыкший от того, чтобы ему перечили, начал злиться. – Не нравится ряса – отвернись!

– Я здесь поставлен, чтобы видеть все, а не отворачиваться! – вскинул гладко бритый подбородок кавалер.

– Я тебе что, купец какой, али смерд безродный? – тихо поинтересовался Росин, склоняясь к караульному. – Сейчас кистень возьму, да и в леплю тебе по голове так, что перо из плеч торчать станет. Что тогда скажешь, господин рыцарь? Или думаешь, господин епископ из-за тебя войну начинать начнет? С государем московским ссориться?

Рыцарь заметно побледнел. Переехав мост, русский боярин ступил на территорию ливонской конфедерации, и строгий Разбойный приказ за его поведением более не доглядывал, дыбой за разбой и убийство не угрожал. Однако внешне ливонец попытался волнения своего не показать, и даже повысил голос, указывая на лежащие поперек седел холопов пищали:

– Пошто мушкетонов так много везете?

– Так ведь земли впереди дикие, – ласково улыбнулся Росин. – Разбойнички там иногда шалят и прочие крестоносцы. Как же без оружия?

– С мушкетонами нельзя! – решительно замотал головой кавалер. – Не пропущу! Оставляйте здесь.

– Зачем тебе ружья, дикарь?! – взорвался Росин. – Ты все равно не умеешь ими пользоваться!

– Нельзя! – рыцарь с надеждой оглянулся на пикинера, сонно наблюдающего за перебранкой и положил руку на рукоять меча. – Не пропущу!

– Ты что-то сказал, чухонец? – Росин сунул руку в широкий рукав рясы, и тут услышал позади тревожное ржание. Оглянулся. Опричник, горяча коня, крутился на одном месте, ожидая окончания спора. Костя тяжело вздохнул и выпрямился в седле: – Семен! Собери пищали, подвяжи на спину своему коню и отведи Семен Прокофьевичу.

Холоп спрыгнул на мост, в несколько минут собрал огнестрельное оружие отряда, перетянул ремнем, перекинул через спину чалого коня и под уздцы отвел обратно к Зализе.

– Ну, теперь доволен? – кивнул Росин ливонцу и, не дожидаясь ответа, дал шпоры коню. Холопы немедленно сорвались следом, и начальнику караула пришлось шарахнуться с моста в сторону – чтобы не затоптали.

Некоторое время рыцарь смотрел путникам вслед, потом раздраженно сплюнул:

– Ладно, еще встретимся, – и пошел обратно в тень.

Конный же отряд, сорвавшись с места, продолжал мчаться все тем же стремительным галопом, оставляя позади одну версту за другой. Разумеется, Костя понимал, что домчаться до замка Сапиместкой фогтии за один день он не успеет, но стремился пройти за первый переход как можно большее расстояние. Они неслись вскачь примерно час, после чего холопы перекинули седла на заводных коней, и отряд помчался дальше. Через час настал черед принять всадников на спины третьей смены скакунов.

Первым не выдержал Костя – отбив о седло всю задницу, он перешел на более спокойную рысь, и бешенная гонка превратилась просто в быструю езду. Тем не менее, еще задолго до темноты они добрались до Дерпта, обогнули его, не въезжая в город и повернули в сторону Пернова, достигнув к концу дня реки Педья.

Здесь Росин и приказал разбить походный лагерь – без палаток и шатров, но с костром, чтобы сварить нормальную кашу на ужин и на завтрак. Свернуть такой лагерь можно было так же быстро, как и развернуть – а посему с рассветом отряд двинулся дальше, на развилке перед следующей рекой повернув в сторону Вайсенштайна. Здесь боярин снова перешел на галоп, желая узнать – успеют бывшие «ливонцы» отреагировать на появление конного отряда, или он застанет их врасплох?

По узкой, но гладкой ухоженной дороге они домчались до цели своего путешествия примерно за два часа, перейдя в густом яблоневом саду на шаг, дабы дать скакунам возможность отдышаться и немного остыть, и спустя еще десяток минут увидели замок.

Сложенный из темно-красного кирпича, он представлял собой прямоугольное здание почти пятидесяти метров в длину и двадцати в ширину, с единой двускатной крышей из покрытой мхом черепицы. Фасад, смотрящий в открытое поле, возвышался на высоту девятиэтажного дома, причем его органичную часть составляла круглая башня со множеством бойниц, с каменными зубцами и флагштоком наверху. Левую сторону фасада венчала махонькая, укрытая островерхим шатром башенка с тремя узкими бойницами и тремя же круглыми окнами над ними, а рядом с узкими бойницами на высоте трех человеческих ростов над землей раскрывались широкие и высокие окна в готическом стиле. Уходящие в дубовые заросли тылы замка строители сделали примерно втрое ниже фасада, однако искать черный ход Росин не собирався. Он спешил к у дубовых, обитых толстыми железными полосами и многократно проклятых ворот, толкнул дверь калитки. Та, естественно, не поддавалась.

Гость отступил на несколько шагов назад, поднял голову.

– Хоть бы спросили, кто пришел, что ли?

Сверху неожиданно донесся детский плач, который смолк так же резко и внезапно, как начался.

– У-у-у, – разочарованно потянул Росин. – Оказывается, и здесь детский сад появился. Погрязли рыцари в пеленках. Эй, есть кто живой?!

Никто не откликнулся.

– Ау, люди! – еще громче закричал Костя. – Пустите доброго человека, а не то он выломает дверь.

– Подождите, у нас обед, – откликнулось какое-то из окон.

– Еще чего! – хмыкнул Росин, и выкрикнул фразу, понятную только тем, кого он рассчитывал увидеть: – Дайте жалобную книгу!

Наверху загрохотало, и из окон высунулось сразу несколько голов.

– Чего смотрите? – миролюбиво поинтересовался гость. – Ворота открывайте, кабанчика закалывайте, вино на стол ставьте. Баньку можете не топить, я поутру в реке купался.

– Ешкин кот! – наконец-то узнали его хозяева. – Да ведь это же мастер из «Шатунов»! Клепатник, а ну бегом к воротам! Тащи его сюда!

Спустя несколько минут Росин уже сидел в уже знакомом ему большом зале. Он увидел все те же грубо сколоченные лавки, столы, составленные из положенных на козлы сколоченных из досок щитов, на которых во множестве стояли блюда с мясом, порезанной на крупные куски капустой, печеной рыбой. Правда, на этот раз тут имелись еще и крупные казаны с какой-то похлебкой, пахнущей вареной убоиной и миски с рассыпчатой белой сарацинской кашей – то есть, вареным рисом. Разумеется, здесь же возвышались и кувшины с вином.

Правда, на этот раз среди мужчин за столами восседали и женщины, одетые, не смотря на жару, в парчовые платья. Как минимум каждая вторая из них держала на руках по завернутому в полотняные пеленки младенцу. Время от времени малютки начинали хныкать, и матери, ничуть не стесняясь окружающих, обнажали грудь и начинали их кормить.

Помимо малышей, по залу, радостно визжа, носились еще и голозадые детишки лет по четыре-пять. Разговаривая между собой, людям приходилось повышать голос, перекрикивая детей, и в воздухе постоянно висел разноголосый гул.

– Костя, родной! – Кузнецов встретил гостя в дверях, устало обнял и повел к столу, посадив на скамью по правую руку от себя, а сам опустившись в кресло, за спинкой которого, положив на верхнюю перекладину скрещенные руки, стояла светловолосая Неля. – Давай, угощайся. Мясо вон, рыбка. Тут на блюде заяц. Сервы вчера принесли, сказали, что посева портил. Я их за охоту не наказываю, коли дичь поля травит, но требую, чтобы добытое к нам на

кухню приносили. Думаю, дурят они меня, от силы треть отдадут, ну да ладно. Пусть и сами чего пожрут, коли так добычливы.

– А сам не охотишься?

Витя только отмахнулся, потом наполнил высокий оловянный кубок вином, поставил перед гостем, к себе притянул чей-то оставшийся без присмотра бокал.

– Эй, мужики! Давайте на мастера нашего выпьем! За встречу!

На это предложение откликнулись почти все мужчины и многие женщины, но некоторые, занятые своими делами, пропустили тост мимо ушей. Можно было подумать, что Росин приезжал сюда в гости чуть не каждый день и успел изрядно надоесть.

– Ты чего в рясе-то ходишь? – поинтересовался Витя. – Никак, в монахи подался?

– Достали вы меня уже с этой рясой! – зарычал Росин. – Нравится она мне, нравится! Неужели непонятно?!

– Ничего не сделал, – Кузнецов вскинул руки и округлил глаза в деланном испуге. – Только спросил...

– Извини, – Костя понял, что перегнул палку. – Я как со своего поместья выехал, меня про эту рясу чуть не каждый день кто-нибудь спрашивает.

– Ага, – сделал глубокомысленный вывод Кузнецов. – Раз ты выехал со своего поместья, значит не монах.

– Да, кстати, – спохватился Росин. – Дворня со мной, десять холопов. Лошадей расседлывают. Их как, покормят, или пусть припасы достают?

– Обидеть хочешь, да? – хозяин замка поднялся, подошел к дверям. – Клепатник! От, черт, ничего не слышно... – он спустился по лестнице, позвал еще раз: – Клепатник, Егор!

Наконец внизу послышался торопливый топот, показался запыхавшийся слуга.

– Егор, холопов нашего гостя, как с конями закончат, на кухню отведи пусть их там накормят досыта.

– Слушаюсь, господин фогтий, – поклонился серв и снова скрылся внизу.

– Ну как, теперь твоя душенька довольна? – оглянулся на Росина хозяин.

– Вполне...

– Слушай, – Витя, поморщившись, посмотрел в сторону дверей, из-за которых доносились крики, радостный детский визг, разноголосый гомон. – Слушай, пойдем лучше в мои покои? Поговорим спокойно. Подожди, я сейчас Неле скажу, чтобы вина прихватила, и закуски.

Они незамеченными прошли вдоль стены зала, свернули в скромную дверь в углу, а потом долго поднимались по круто закрученной винтовой лестнице, тускло освещаемой светом из редких бойниц. Наконец впереди открылась прочная дубовая дверь из толстых досок. Кузнецов толкнул ее и первым вошел внутрь.

Покои фогтия представляли собой округлую комнату примерно десяти метров в диаметре с четырьмя бойницами, три из которых шли по фасаду, а четвертая смотрела в сторону яблоневого сада. Напротив окон стояла широкая кровать под нежно-салатовым атласным балдахинном. Возле постели стоял низкий шкафчик, видимо, исполняющий обязанности трюмо – над ним висело толстое, с гранями по краям, венецианское зеркало. Немного дальше вдоль стены белел деревянный диван со спинкой и подлокотниками, но без мягкой обивки – просто покрытый светлым лаком. Еще в комнате имелось несколько похожих на диван кресел – с такими же тонкими, изящно выгнутыми ножками, подлокотниками в виде улыбающихся грифонов, и легкий столик.

– Мебель ты заказал? – оценил обстановку Росин.

– Я, – довольно улыбнулся Кузнецов, усаживаясь на край дивана. – Нравится? Рижский купец специально столяра привозил заказ принимать.

– Красиво жить не запретишь. Ты ведь все-таки фогтий!

– А мы все так живем, – небрежно отмахнулся Кузнецов. – Нас ведь двадцать душ всего. Так что каждому в замке комната по вкусу нашлась. Да и на обстановку жмотиться мы не стали. Коли золото есть, так почему и не потратить? Один раз живем!

В комнату вошла Неля, поставила на стол три кубка и кувшин.

– А закуска? – возмутился Витя.

– Ты что, голодный? – приподняла брови женщина.

– Это смотря в каком смысле... – Кузнецов быстро наклонился вперед, обхватил ее за талию и притянул к себе, усадив на колени. Неля, не сопротивляясь, откинулась немного назад, привалившись боком к спинке дивана, запустила пальцы мужчине в волосы, нежно перебирая пряди.

Росин уселся в кресле напротив, с интересом склонив голову набок.

– Ну и как живете?

Витя приложил палец к виску и издал звук «Кх-х», словно попытался застрелиться.

– Виселица! Ты же сам видел? Дети, визги, крики. Я после каждого обеда или ужина просто дурею. Бабы местные обжились, обнаглели, нарожали кучу маленьких ливончиков. Все время канючат себе новые тряпки, платья и украшения, жрут только мясо, пьют только испанские вина и временами начинают драться из-за мужиков. Зрелище, скажу тебе, еще то. Ребята наши тоже звереют и их несколько раз приходилось растаскивать, пока до смертоубийства не дошло. В общем, полный дурдом. Соседей я данью обложил. Теперь, вроде, и воевать с ними не за что. Они, как бы, под моей крышей. Блин, козлы трусливые! Хоть бы кто на поединок вызвал или за свободу свою сразиться решил. Не рыцари, а чмошники какие-то квелые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.